

A movie poster for 'Korni Zemli' (The Roots of the Earth). The central figure is a man with dark, curly hair and a beard, wearing a dark jacket. He is looking down at his right hand, which is held palm up and has a glowing, golden, concentric circle pattern on it. The background is a dark, atmospheric scene with a large, ornate Russian Orthodox church with multiple onion domes on the left and a dilapidated wooden house with a chimney on the right. The ground is covered in dark, gnarled roots that spread across the entire scene. In the foreground, there is a treasure trove of gold coins, a small wooden box, a cross, and a portrait of a man. The title 'КОРНИ ЗЕМЛИ' is written in large, ornate, golden letters across the middle. Below the title, the name 'Олег Павитров' is written in a smaller, white font. In the bottom right corner, there is a white circle with the text '18+'.

КОРНИ ЗЕМЛИ

Олег Павитров

18+

Олег Павитров

Корни Земли

«Автор»

2026

Павитров О.

Корни Земли / О. Павитров — «Автор», 2026

Что бы вы сделали, если бы получили дар находить спрятанное золото? Андрей Удалов — обычный московский парень, чья жизнь меняется после случайной встречи с лепреконом. За бескорыстный поступок он получает способность видеть золото сквозь землю и стены. Но дар имеет ограничение: после трёх найденных кладов он исчезнет, и неизвестно, когда вернётся. Когда матери Андрея срочно требуются деньги на операцию, необычная способность становится его единственным шансом помочь семье. Однако вскоре о нём узнают люди, для которых золото важнее человеческой жизни. Поиски сокровищ превращаются в опасное приключение, где переплетаются криминальные интересы, тайны прошлого и древняя магия. Андрею предстоит узнать, на что действительно способен его дар, и сделать выбор, от которого зависит не только его собственная судьба.

© Павитров О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Московский геолог	6
Глава 2	12
Три клада	12
Глава 3	23
Проверка дара	23
Глава 4	30
Два тайника	30
Глава 5	38
Цена времени	38
Глава 6	45
Цена помощи	45
Глава 7	54
Условия	54
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Олег Павитров

Корни Земли

КОРНИ ЗЕМЛИ
Олег Павитров

Глава 1

Московский геолог

— Спартак — чемпион! — заорал парень за соседним столиком и так сильно ударил ладонью по столу, что в стаканах подпрыгнуло пиво.

Влад даже не повернул головы.

На большом экране над барной стойкой шёл второй тайм. Комментатор говорил всё быстрее, трибуны ревели, а на поле две московские команды безуспешно пытались забить друг другу хотя бы один гол.

Андрей сидел напротив Влада, смотрел футбол и краем глаза наблюдал за компанией справа.

Их было трое.

Красно-белые шарфы, одинаковые короткие стрижки, уже заметно поплывшие взгляды. Пива они выпили достаточно, чтобы почувствовать себя хозяевами бара, но ещё недостаточно, чтобы начать падать со стульев.

Пока компания орала только между собой, Андрей не обращал на неё внимания.

Он вообще не любил вмешиваться в чужие дела.

Но потом один из парней поднялся, подошёл к их столику и положил тяжёлую ладонь Владу на плечо.

— Ты чего молчишь?

Влад оторвался от экрана.

— В каком смысле?

— Все нормальные люди кричат. Спартак — чемпион!

— Рад за нормальных людей.

Андрей медленно поставил стакан на стол.

Андрей знал этот тон Влада. Тот не собирался драться, но и уступать из принципа не хотел. Несмотря на небольшой рост и сублительную внешность, Влад не отступал, особенно если требование казалось ему глупым.

Парень наклонился ближе.

— Давай. Громко.

— Что дать?

— Скажи: «Спартак — лучший клуб».

— А если я так не думаю?

За соседним столом засмеялись.

Фанат улыбнулся, но улыбка у него получилась нехорошей.

— Значит, сейчас объясним.

Он сжал ворот рубашки Влада и рывком поднял его со стула.

— Отпусти, — спокойно сказал Андрей.

Парень посмотрел на него так, словно только сейчас заметил, что Влад сидел не один.

— А ты ещё кто?

— Человек, который просит тебя убрать руки.

— Просит он...

Парень отпустил Влада, но только для того, чтобы толкнуть Андрея в грудь.

Андрей покачнулся, однако остался на месте.

Ростом он был около метра восьмидесяти, худощавый, но не слабый. Несколько лет регулярных тренировок в зале сделали своё дело. Под свободной футболкой не угадывалось ничего особенно впечатляющего, но плечи и руки были крепкими, а двигался он легко и собранно.

В школе Андрей занимался боксом.

До большого спорта дело не дошло. Несколько любительских встреч между школами, разбитая губа, рассечённая бровь и одна особенно неприятная головная боль помогли ему довольно рано понять: здоровье дороже медалей, которых всё равно никто не запомнит.

Бокс он оставил.

Но тело запомнило стойку, дистанцию и то короткое мгновение, когда человек напротив уже решил ударить, но ещё не начал движение.

— Последний раз говорю, — произнёс Андрей. — Иди к своим.

— А то что?

— А то футбол не досмотришь.

Парень сделал шаг вперёд.

Из-за соседнего стола поднялся ещё один — коренастый, с красно-белым шарфом, затянутым вокруг шеи.

— На улице поговорим, — сказал первый и снова схватил Влада за одежду.

Влад попытался освободиться.

— Да отстань ты!

— Пошёл!

Парень потащил его к выходу.

Несколько посетителей оглянулись, но вмешиваться никто не собирался. Бармен сделал вид, что протирает стакан, а охранник у дверей куда-то исчез именно в тот момент, когда оказался особенно нужен.

Андрей поднялся.

— Влад, куртку возьми. На улице прохладно.

— Очень смешно, — процедил Влад.

Их вытолкнули из бара через боковую дверь.

На улице моросил мелкий дождь. Свет от вывески падал на мокрый асфальт, окрашивая лужи в красный цвет. За углом гудела оживлённая дорога, но возле служебного входа было пусто.

Первый фанат отпустил Влада и повернулся к Андрею.

— Ну что, защитник? Теперь поговорим.

— Давайте поговорим, — согласился Андрей. — Вы возвращаетесь в бар. Мы досматриваем матч. Все довольны.

Коренастый засмеялся.

— Ты сам-то понял, куда влез?

— Понял.

Ударил первый.

Он целился Андрею в лицо, широко размахнувшись правой рукой. Андрей ушёл в сторону, пропуская кулак мимо головы, и коротко ударил в корпус.

Воздух с шумом вырвался из лёгких нападавшего.

Тот согнулся, содержимое желудка щедро оросило крыльцо бара.

Второй попытался схватить Андрея сзади.

Андрей резко развернулся, сбросил его руки и толкнул плечом в стену. Коренастый ударился спиной о кирпич, выругался и замахнулся.

Короткий левый попал ему в подбородок.

Не слишком сильно, но точно — ровно настолько, чтобы заставить поплыть и забыть что он здесь делает.

Первый уже отдышался и бросился снова. Андрей отступил на полшага, встретил его прямым ударом, а затем добавил справа.

Парень потерял равновесие и сел в сделанную им же лужу.

Наступила тишина.

Из приоткрытой двери бара доносился рёв комментатора. Кто-то на поле наконец забил, но ни Андрей, ни Влад этого уже не увидели.

Коренастый прижимал ладонь к губе и смотрел на Андрея без прежней уверенности.

Андрей не стал подходить ближе.

Тут из двери выскочил третий фанат, увидев быструю расправу он бросился поднимать товарищей.

— Всё?

Первый фанат поднялся из лужи. Его штаны и куртка промокли, а на скуле быстро наливалось красное пятно.

Он оглянулся на дверь, словно надеялся увидеть там остальных приятелей. Но никто из компании на помощь не вышел.

— Мы обознались, — пробормотал он, тряся головой.

— Конечно, — согласился Андрей.

— Думали, вы из ЦСКА.

— Бывает.

— Без обид?

Андрей посмотрел на него.

— Идите матч досматривать.

Парни скрылись за дверью, держась друг за друга.

Влад поправил рубашку и провёл ладонью по шее.

— Ты мог предупредить, что умеешь драться.

— Ты мог крикнуть, что «Спартак» — хороший клуб.

— Но я так не думаю.

— Тогда не жалуйся.

Влад рассмеялся.

— Они действительно приняли нас за фанатов ЦСКА?

— Они обознались.

— Это знание далось им дорого, особенно тому, кто расплескал ужин у порога.

— Ну, это не самое плохое. Теперь в него больше пива влезет, — усмехнулся Андрей.

— Ты рассчитался за еду?

— Да, сразу как заказ сделал.

— Я тоже. Тогда пошли, а то тут плохо пахнет.

Дрожь отпустила только через пару кварталов — та мелкая, противная дрожь, которая приходит после драки вместо адреналина. До тех пор Андрей держал руки в карманах, чтобы Влад не видел. Не потому, что стыдился. Просто объяснять было дольше, чем переждать.

В бар они не вернулись.

Прошли два квартала, нашли круглосуточную кофейню и сели возле окна. Влад заказал двойной эспрессо, Андрей — чай с лимоном.

— Я тебе теперь должен, — сказал Влад.

— Ничего ты не должен.

— Они могли меня избить.

— Не избили же.

— Потому что ты вмешался.

— Я бы не вмешивался, если бы ты иногда умел вовремя промолчать.

Влад задумался.

— Нет. Тогда это был бы уже не я.

С этим спорить было трудно.

Андрей посмотрел на него поверх стакана. Влад умел быть невыносимым, но в его невыносимости была честность, которой Андрею в людях всегда не хватало: этот человек не притворялся удобным.

Познакомились они полтора года назад в небольшой фирме, торговавшей компьютерным оборудованием.

Андрей пришёл туда после того, как бросил институт.

Для его семьи это стало почти катастрофой.

Он был единственным сыном потомственных геологов — Удаловы не зря оправдывали свою фамилию. Его дед искал месторождения на Урале, бабушка работала в геологоразведочной экспедиции в Восточной Сибири. Родители познакомились во время полевой практики, поженились через год и ещё долго считали самым удачным семейным отпуском поездку туда, где на сотни километров не было ни одного нормального дома.

В московской квартире хранились пожелтевшие карты, образцы пород, компасы, старые фотографии и тяжёлые камни, которые нельзя было выбросить, потому что каждый из них был привезён из «особенного места».

В детстве Андрей знал названия минералов раньше, чем научился правильно произносить слово «велосипед».

Родители не сомневались, что сын продолжит семейное дело.

После школы он по их настоянию поступил в Московский государственный горный университет на геологический факультет.

Сначала Андрей и сам не видел в этом ничего плохого.

Учёба давалась легко. Он разбирался в картах, понимал строение пород и с детства умел слушать бесконечные разговоры о разломах, пластах и месторождениях.

Проблемы начались после первой полевой практики.

До неё геология представлялась ему красивой профессией: горы, тайга, поиски неизвестного, костры под звёздами и редкие находки, способные изменить человеческую жизнь.

На месте выяснилось, что романтика заканчивается там, где начинаются комары.

Вагончики продувались по ночам. Горячая вода считалась роскошью. Душ появлялся только тогда, когда удавалось нагреть воду и найти свободную ёмкость. Туалет стоял на краю лагеря и представлял собой деревянную будку, к которой после дождя приходилось добираться по грязи.

Рабочий день начинался рано, заканчивался поздно и состоял в основном из ходьбы, тяжёлых рюкзаков, записей, измерений и бесконечных образцов.

Через две недели Андрей понял, что не готов променять московскую жизнь на вечные вагончики, укусы насекомых и умывание холодной водой из металлического таза.

Признание пришло тихо, без бунта: он просто однажды поймал себя на том, что считает не дни до конца практики, а дни до Москвы. И что это не тоска по дому, а отсутствие того самого чувства, ради которого отец и мать прожили в экспедициях всю жизнь. У них земля разговаривала с ними. У него — молчала.

Родителям он ничего не сказал.

Вернулся в университет, закончил второй курс и только потом подал заявление об отчислении.

Отец три дня с ним почти не разговаривал.

Мать пыталась убедить его взять академический отпуск, отдохнуть и вернуться.

— Геология у тебя в крови, — говорила она.

— В крови у меня гемоглобин, — отвечал Андрей.

Шутка оказалась неудачной.

Несколько месяцев отношения в семье оставались напряжёнными. Родители считали, что сын испугался первых трудностей и уничтожил собственное будущее. Андрей пытался объяснить, что предпочитает признаться в ошибке сейчас, а не прожить чужую жизнь до пенсии.

В конце концов все сделали вид, что смирились.

Только смирение это было особенным: отец перестал оставлять на его столе геологические журналы, а мать перестала звать его «нашим геологом» при гостях. Обе потери Андрей заметил не сразу и потом ещё долго не мог объяснить, почему они царапают.

Через знакомого Андрей устроился менеджером по продаже компьютерного оборудования.

Работа не требовала ночёвок в вагончиках, умения определять породы и готовности отбиваться от комаров. Зато требовала терпения, способности разговаривать с людьми и делать вид, что очередная модель монитора действительно изменит жизнь покупателя.

Андрей быстро освоился.

Он был дружелюбным, легко находил общий язык с клиентами и не пытался продать человеку то, что ему совершенно не подходило. За это покупатели возвращались к нему снова.

Влад работал в той же фирме. Невысокий, худощавый, с растрёпанными вьющимися чёрными волосами и умными карими глазами. В свои двадцать четыре года он был ведущим специалистом фирмы и, похоже, эта роль его устраивала.

Официально он занимался настройкой оборудования и иногда помогал корпоративным клиентам с программным обеспечением.

Но довольно скоро Андрей заметил, что зарплата технического специалиста плохо сочетается с часами Влада, его съёмной квартирой в центре и привычкой расплачиваться наличными, не глядя на сумму.

При ближайшем знакомстве выяснилось, что компьютеры Влад почти не продавал.

Его настоящим товаром была информация.

Он находил то, что другие тщательно прятали, получал доступ к закрытым базам и перепродавал добытые сведения тем, кто был готов хорошо заплатить.

Подробностей Влад не раскрывал.

Андрей и не спрашивал.

До вечера в спорт-баре они оставались просто коллегами. Иногда обедали вместе, спорили о фильмах, обсуждали клиентов и после работы выпивали по кружке пива.

После драки всё изменилось.

Влад оказался человеком, который хорошо запоминал не только обиды, но и помощь.

Он начал чаще звонить Андрею, приглашать его на футбольные матчи, делиться проблемами. Постепенно Андрей стал единственным человеком, которому Влад доверял настолько, насколько вообще был способен кому-то доверять.

В кофейне Влад допил эспрессо и посмотрел через окно на мокрую улицу.

— Знаешь, почему я не позвал тебя работать со мной?

— Потому что я ничего не понимаю в твоей работе.

— Это можно исправить.

— Тогда почему?

Влад немного помолчал.

— Потому что ты нормальный.

— Спасибо. Наверное.

— Я серьёзно. Ты не жадный. Не злой. И всё ещё считаешь, что большинство людей говорит правду.

— Большинство людей иногда говорит правду.

— Вот видишь.

Андрей улыбнулся.

К двадцати пяти годам Андрей считал себя вполне обычным человеком: коренной москвич, бывший студент, не оправдавший родительских надежд, менеджер по продаже компьютерного оборудования с небольшой, но стабильной зарплатой. Он не верил в судьбу, не искал приключений и уж точно не мечтал о богатстве, спрятанном под землёй.

Правда, была одна вещь, которой он себе не признавался: даже сейчас, идя по городу, он иногда ловил себя на том, что смотрит на обнажившийся в яме грунт, на срез оврага или на каменную крошку в асфальте так, как смотрел в детстве на отцовские образцы. Будто земля вокруг всё ещё могла что-то рассказать. Он каждый раз отгонял это чувство как ненужное. Оно всё равно возвращалось.

Глава 2

Три клада

Идея провести выходные за городом принадлежала Владу.

В четверг вечером он появился возле стола Андрея, положил перед ним рекламный буклет и объявил:

— В субботу едем отдыхать.

На обложке буклета был изображён загородный санаторий: светлое трёхэтажное здание, сосны, небольшое озеро и деревянная беседка, в которой счастливая компания жарила шашлыки.

— Мы? — переспросил Андрей.

— Мы.

— Ты и я?

— Не пугайся. Будут ещё Таня и Маша.

— А они знают?

— Они предложили.

Таню и Машу Андрей видел несколько раз.

Девушки работали в соседнем бизнес-центре и периодически заходили в их фирму за картриджами, кабелями и другими мелочами, которые легко могли заказать через интернет. Однако обе почему-то предпочитали покупать всё лично.

Таня была невысокой блондинкой, смешливой и разговорчивой. Маша — темноволосой, более спокойной, но способной поддержать почти любую авантюру.

Обе не скрывали, что серьёзных отношений сейчас не искали. Их устраивали непродолжительные, но тесные знакомства — без обещаний, ревности и разговоров о совместном будущем.

Влад такой подход полностью одобрял, и обладая резким даром убеждать девушек в нужном ему действии, часто пользовался им в своих корыстных целях.

Андрей относился к нему спокойнее, но от поездки отказываться не стал. Последние недели выдались тяжёлыми: несколько крупных заказов сорвались, начальство требовало увеличить продажи, а родители снова завели разговор о восстановлении в институте.

Два дня без клиентов, телефонных звонков и семейных советов казались неплохой идеей. Андрей готов был согласиться хотя бы ради того, чтобы эти два дня никто ничего от него не требовал.

— На чём поедem? — спросил Андрей.

— Я думал взять машину напрокат.

— Зачем платить? Попрошу у родителей машину.

— А какая у вас?

Андрей улыбнулся.

— «Управляй мечтой». Toyota RAV4. Неплохой паркетник, и для поездки на природу будет в самый раз.

— Дадут?

— Если пообещаю вернуть в отличном состоянии и с полным баком.

— А старые царапины можно оставить?

— Их отец знает поимённо.

Влад задумался.

— Вчетвером поместимся?

— Без проблем. И для вещей место останется.

— Тогда решено. За рулём ты.

— Почему сразу я?

— Потому что машина родительская. Разобьёшь — хотя бы не придётся объяснять твоему отцу, почему за рулём сидел я.

— Очень благородно.

— Я всегда думаю о друзьях.

Вечером Андрей дождался, когда отец вернётся с работы.

Пётр Семёнович сидел на кухне и просматривал документы. Рядом стояла чашка давно остывшего чая.

— Пап, можно на выходные машину взять?

Отец поднял глаза.

— Куда собрался?

— В санаторий в Подмоскowie. С Владом и ещё двумя знакомыми.

— Далеко?

— Около ста километров.

— За рулём кто?

— Я.

Пётр Семёнович снял очки.

— Пить будешь?

— В субботу. Обрато поеду только в воскресенье, когда полностью приду в норму.

— Если не выпишься или будешь плохо себя чувствовать, останетесь ещё на день.

— Хорошо.

— Машину вернёшь в том же состоянии. Поставишь в гараж и заправишь полный бак.

— Само собой.

— И за руль никого не пускай.

— Даже Влада?

— Особенно Влада.

Андрей улыбнулся.

— Договорились.

Пётр Семёнович достал связку ключей и отделил от неё ключи от автомобиля и гаража.

— В пятницу вечером проверь масло и давление в колёсах.

— Проверю.

— Аптечка в багажнике. Компрессор под полом. Документы в бардачке.

— Я знаю.

— Знать и проверить — разные вещи.

— Хорошо, командир.

Отец протянул ему ключи, но сразу не отпустил. Андрей привычно дождался продолжения: отцовская забота всегда выглядела именно так — не словами, а списком проверок.

— Будь аккуратнее.

Мария Владимировна, услышав разговор, выглянула из комнаты.

— С кем едете?

— С Владом, Таней и Машей.

— Кто такие Таня и Маша?

— Знакомые.

— Хорошие знакомые?

— Мам, мы просто едем отдыхать.

— Я только спросила.

— Не начинай, — сказал Пётр Семёнович.

— Я ничего не начинаю. Просто пусть возьмут тёплые вещи. Ночью уже холодно.

— Обязательно передам, — пообещал Андрей.

В пятницу после работы он зашёл в гараж. Осмотрел рафика, проверил колёса, уровень масла, аптечку и документы.

В субботу утром Андрей выехал раньше назначенного времени.

Первым он забрал Влада.

Тот вышел из подъезда с дорожной сумкой, пакетом продуктов и переносным холодильником.

— Ты решил переехать в санаторий? — спросил Андрей.

— Это мясо, напитки и всё необходимое для культурного отдыха.

— Судя по количеству, культура будет тяжёлой.

Влад положил вещи в багажник и сел на переднее сиденье.

— Хорошая машина.

— Рулить не дам. Лучше следи за навигатором.

Следующей забрали Машу. Она принесла большую пластиковую миску с замаринованным мясом и ещё два пакета.

Последней вышла Таня.

Она оглядела почти заполненный багажник.

— Мы точно на два дня?

— Влад подготовился к месячной экспедиции, — объяснил Андрей.

— Запас никогда не бывает лишним, — заявил тот.

Когда все разместились, Андрей посмотрел на пассажиров через зеркало заднего вида.

— Пристегнулись?

— Да, папа, — ответила Таня голосом примерной дочери.

— Тогда поехали, — хмуря брови, ответил Андрей.

После чего все весело расхохотались.

— Похоже, не у меня одной родители думают, что если не пристегнулся, то машина не поедет, — сказала Таня.

— Зато после этой фразы у меня отец забывает о пассажирах напрочь, — сказала Маша.

Все снова рассмеялись.

— Включить что-нибудь весёлое или поболтаем? — спросил Влад, обернувшись к девушкам.

— Ну, расскажи анекдот, что ли, — поддержала его Маша. По молчаливому согласию они уже распределились на пары, обозначив взаимный интерес.

Андрей вывел Toyota со двора и направился в сторону области.

— Значит, анекдот, — сказал Влад. — Инструктор проверяет начинающего водителя:

— Представьте себе, что у вас на полном ходу отлетело колесо. Что вы будете делать?

— Прибавлю газа и постараюсь догнать его.

— Я надеюсь, Андрей уже опытный водитель, — спросила Маша, глядя на него.

— Опытный, опытный, — пробормотал Андрей. — Но от помощи не откажусь.

Первые полчаса Влад пытался командовать маршрутом. Несколько раз предлагал объехать пробку, но каждый его вариант возвращал их почти в то же место.

Наконец Маша отобрала у него телефон, включила навигатор и запретила проявлять инициативу.

Когда многоэтажные дома остались позади, настроение у всех заметно улучшилось.

По обеим сторонам дороги потянулся лес. В редких просветах появлялись дачные посёлки, небольшие деревни и поля с уже пожелтевшей травой.

Таня включила музыку.

Маша открыла банку энергетика.

Влад рассказывал историю о клиенте, который пытался вставить компакт-диск в дисковод вместе с пластиковым футляром.

Андрей держал руки на руле, смотрел на дорогу и впервые за долгое время никуда не торопился. Торопливость въелась в него на работе вместе с привычкой отвечать на звонки на ходу; здесь дорога не требовала ни того ни другого, и он с удивлением заметил, что перестал следить за временем.

К полудню они добрались до санатория.

Рекламный буклет немного приукрасил действительность. Здание оказалось не белым, а сероватым, озеро — гораздо меньше, а беседка на фотографии, судя по всему, находилась совсем в другом месте.

Но территория была большой и ухоженной.

За главным корпусом начинался сосновый лес. Между деревьями тянулись дорожки, стояли скамейки и старые фонари. Чуть дальше располагалась открытая площадка с мангалами, навесами и деревянными столами.

В стороне поднимался небольшой холм.

Он был слишком правильной формы, чтобы казаться естественным: округлый, густо заросший травой, с несколькими молодыми берёзами на вершине. Рядом проходила прогулочная дорожка, но к самому холму почти никто не подходил.

Андрей задержал на нём взгляд дольше, чем остальные. Привычка смотреть на землю, оставшаяся от учёбы, проснулась сама: такие ровные конусы не растут сами по себе, их либо насыпают, либо очень долго не трогают. Он собрался было подумать об этом серьёзнее, но Влад потянул его к корпусу, и мысль рассыпалась, как рассыпается на ветру дым от сырого угля.

— Вот там вечером и погуляем, — сказала Таня, указывая на подъём.

— Сначала сауна, — возразил Влад.

— Сначала заселение, — напомнила Маша.

— Сначала обед, — решил Андрей.

В итоге сделали всё, но в другом порядке.

Получили ключи от двух соседних номеров. Пообедали в столовой. Прошлись по территории. Потом почти два часа провели в небольшой сауне с бассейном.

К вечеру все снова проголодались.

Площадку для шашлыков Влад забронировал заранее. Он принёс мясо, Андрей — овощи и напитки. Таня отвечала за посуду, а Маша — за маринад, который, по её словам, передавался в семье из поколения в поколение.

— Твоя мама дала рецепт? — спросил Андрей.

— Нет. Я нашла его вчера в интернете.

— Древняя семейная традиция.

— Теперь уже семейная.

Возле площадки стоял широкий деревянный стол. Рядом находились мангал, несколько лавок и небольшой навес. За ними начиналась полоса деревьев, а ещё дальше виднелся заросший холм.

Влад достал шампуры.

Маша открыла контейнер с мясом.

Таня занялась овощами, хотя большую часть времени просто давала советы остальным.

Андрей осмотрел мангал.

— Дров нет.

— Уголь есть, — сказал Влад.

— Мало. И он сырой.

— Ты же геолог. Добудь огонь из земли.

— Сейчас вернусь.

Администратор предупреждал, что за площадкой, возле хозяйственного сарая, сложены заготовленные дрова. Нужно было пройти по узкой дорожке метров сто пятьдесят.

— Только не заблудись, — крикнула вслед Таня.

— И грибы не ешь! — добавил Влад.

Андрей поднял руку, не оборачиваясь.

Дорожка огибала холм и уходила между деревьями. Вечер был тёплым, но воздух уже пах осенью — влажной землёй, листьями и остывающей травой.

Шум от площадки постепенно стих.

Через несколько минут Андрей увидел хозяйственный сарай. Рядом под навесом лежала большая куча наколотых поленьев.

Он уже собирался выбрать несколько сухих, когда услышал тонкий сердитый голос:

— Ну где же она? Здесь была. Точно здесь была!

Андрей замер.

Голос доносился из-за дровяной кучи.

Сначала он решил, что там играет ребёнок. Но родители вряд ли позволили бы маленькому ребёнку одному ходить возле хозяйственных построек.

— Да куда она могла деться? — продолжал голос. — Не могла же провалиться!

Кто-то сердито заворчал, затем послышалось шуршание листьев.

Андрей осторожно обошёл кучу.

За ней находился маленький человечек.

Ростом он едва доходил Андрею до колена. На нём были зелёные штаны, коричневый жилет и длинный тёмно-зелёный сюртук с крупными медными пуговицами. Башмаки казались непропорционально большими, а на голове сидела помятая шляпа с узкими полями.

Из-под шляпы торчали рыжие волосы.

Такого же цвета была густая борода.

Маленький человек стоял на четвереньках и яростно раздвигал сухие листья. Он заглядывал под ветки, ощупывал землю и что-то недовольно бормотал.

Андрей наблюдал за ним.

Первой мыслью было, что в санатории проходит костюмированное представление.

Вторая мысль оказалась менее убедительной: ни один взрослый актёр не смог бы настолько уменьшиться даже ради очень хорошего гонорара. Третьей мысли не было: третья мысль куда-то делась, и Андрей просто стоял и смотрел, как рыжая борода шевелится в такт бормотанию.

Маленький человек заметил Андрея и недовольно прищурился.

— Чего стоишь?

— Смотрю.

— Вот и смотри издалека. Не мешай.

Он снова принялся разбрасывать листья.

Андрей присел на корточки.

— Ты кто?

— Занят я.

— Это я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Просто интересно.

Маленький человек шумно вздохнул, выпрямился и упёр руки в бока.

— Люди. Обязательно им всё надо знать. Кто ты? Откуда ты? Что здесь делаешь? Своих дел нет?

Говорил он по-русски, но с едва заметным странным акцентом. Некоторые звуки растягивал, другие проглатывал.

Андрей осмотрелся.

Никаких камер, ведущих и смеющихся зрителей поблизости не было.

— Ты лепрекон? — спросил он.

Маленький человечек сердито дёрнул бородой.

— А сам не видишь?

— Я раньше лепреконов не встречал.

— Это не моя проблема.

— Значит, всё-таки лепрекон.

— Не мешай искать!

Он снова опустил на колени.

— А что ты потерял?

Лепрекон замер.

Потом медленно повернул голову.

— Ничего.

— Тогда зачем ищешь?

— Проверяю землю.

— На что?

— На землю.

Андрей усмехнулся.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно.

— Это точно.

Он решил, что разбираться в происходящем можно долго, а остальные ждут дрова. Поэтому вернулся к куче и начал выбирать сухие поленья.

Лепрекон продолжал ползать по земле и ворчать:

— Была здесь... Я точно помню... Возле дерева... Или возле камня... Нет, возле дерева...

Андрей вытащил одно полено.

Под ним что-то блеснуло.

Сначала он решил, что это металлическая крышка от бутылки. Но круглый предмет оказался слишком ярким.

Андрей положил полено в сторону и поднял находку.

На его ладони лежала золотая монета.

Она была крупнее обычной пятирублёвой, тяжёлая и тёплая, словно долго находилась не под холодными дровами, а в человеческой руке.

На одной стороне был изображён незнакомый король в короне. На другой — дерево с переплетёнными корнями.

Монета блестела даже в сумерках.

Андрей повернулся к лепрекону.

— Ты не это ищешь?

Маленький человечек застыл.

Его глаза расширились.

— Она!

Он бросился к Андрею, но в последний момент остановился и постарался придать себе равнодушный вид.

— Возможно.

— Только что ты сказал «она».

— Мало ли что я сказал.

Андрей поднял монету чуть выше.

Лепрекон проводил её взглядом.

— Отдай.

— А ты чем докажешь, что она твоя?

Лепрекон открыл рот.

Закрыл его.

Снова открыл.

— Ты нашёл её возле меня.

— Это ничего не доказывает.

— Я её искал!

— Может быть, ты хотел найти чужую монету.

— Она моя!

— Откуда я знаю?

Лепрекон задрожал от возмущения.

— У неё дерево на одной стороне и король Эохайд на другой!

Андрей посмотрел на изображения.

— Допустим.

— На ребре семьдесят семь насечек.

Андрей провёл ногтем по краю. Считать насечки он не стал.

— Уже убедительнее.

— А под корнем дерева есть маленькая трещина.

Андрей поднёс монету к глазам.

Под одним из корней действительно проходила едва заметная тонкая линия.

Лепрекон протянул руки.

— Теперь отдавай.

— Хорошо.

Андрей без колебаний положил монету на его маленькую ладонь. Он успел заметить за собой первый импульс — спросить, что ему за это будет, — и этот импульс ему не понравился: торговаться из-за чужой потери было стыдно, даже если потеря принадлежала существу из сказки.

Лепрекон прижал её к груди и облегчённо выдохнул.

На мгновение вокруг монеты появилось слабое золотистое сияние. Оно скользнуло по его пальцам, поднялось к плечам и исчезло под зелёным сюртуком.

Лепрекон закрыл глаза.

Его лицо сразу изменилось. Исчезли раздражение и тревога, разгладились морщины на лбу.

— Наконец-то, — прошептал он.

Андрей наблюдал за ним с любопытством.

— Дорогая вещь?

Лепрекон открыл глаза.

— Это не вещь.

— А что?

Он снова прижал монету к груди.

— Моя душа.

Андрей некоторое время молчал.

— В прямом смысле?

— А в каком ещё?

— Обычно душу не носят в кармане.

— Поэтому люди её так часто и теряют.

Лепрекон спрятал монету во внутренний карман сюртука и несколько раз похлопал по нему ладонью, проверяя, на месте ли она.

— Как ты вообще её потерял?

— Не твоё дело.

— Я же её нашёл.

— Вот именно. Нашёл мою душу и вернул, ничего не потребовав взамен.

— Я должен был оставить её себе?

— Люди обычно так и делают.

— Зачем мне чужая душа?

Лепрекон внимательно посмотрел на Андрея.

— Разумный вопрос.

Он подошёл ближе, насколько позволял его рост.

— По старому закону я обязан тебя наградить.

— Не надо.

— Надо.

— Мне правда ничего не нужно.

— Все люди так говорят, пока им не предложат золото.

— Монету я тебе уже отдал.

— Я не про монету.

Лепрекон прищурился.

— Ты ведь учился искать то, что спрятано под землёй.

Улыбка исчезла с лица Андрея.

— Откуда ты знаешь?

— От земли.

— Земля рассказывает о бывших студентах?

— Земля рассказывает обо всём. Просто вы её не слышите.

Лепрекон обошёл Андрея кругом, внимательно разглядывая его со всех сторон.

— Геолог, который не захотел быть геологом. Забавно.

— Я не люблю комаров.

— А кто их любит?

— Тогда почему ты удивляешься?

— Потому что ты отказался от одного дара, даже не поняв, что он у тебя был.

Андрей поднял оставленные поленья.

— Влад, наверное, уже пытается разжечь мангал рекламным буклетом. Мне пора.

— Стой!

Лепрекон топнул ногой.

— Я ещё не закончил.

Андрей снова положил дрова.

— Говори.

— В обмен на возвращённую монету я дам тебе настоящий дар искателя.

— Какого ещё искателя?

— Ты будешь находить золото, спрятанное от людских глаз.

— Сквозь землю?

— Сквозь землю.

— Сквозь стены?

— И сквозь стены. Камень, кирпич и бетон не скроют от тебя то, что было намеренно спрятано.

Андрей посмотрел на маленького человечка, пытаясь понять, шутит тот или говорит серьёзно.

— То есть я смогу находить любые клады?

Лепрекон поморщился.

— Не любые и не бесконечно. У каждого дара есть предел.

— Какой?

Лепрекон поднял руку и показал три коротких пальца.

— Три клада.

— Всего три за всю жизнь?

— Не перебивай. Три подряд.

— А потом?

— После каждой настоящей находки сила будет слабеть. Когда найдёшь третий клад, золотой свет исчезнет. Ты перестанешь видеть спрятанное, сколько бы ни смотрел.

— Навсегда?

— Нет. Дар вернётся.

— Когда?

Лепрекон пожал плечами.

— Не знаю.

— Ты даришь мне силу и не знаешь, как она действует?

— Я знаю, как она действует. Но не знаю, когда именно она решит проснуться снова.

— Неделя? Месяц? Год?

— Может быть, несколько дней. Может быть, несколько месяцев. А может, гораздо дольше.

Андрей нахмурился.

— От чего это зависит?

Лепрекон посмотрел на него внимательнее.

— От тебя.

— Очень понятно.

— От того, как ты живёшь. В каких условиях находишься. Для чего используешь дар. Что делаешь с найденным и на что готов пойти ради следующего клада.

Он подошёл ближе и постучал коротким пальцем Андрею по груди.

— Дар не часы. Его нельзя завести и заставить работать по расписанию. Иногда он возвращается быстро. Иногда молчит годами.

— Значит, ты сам не сможешь его вернуть?

— Нет.

— И ускорить тоже?

— Возможно, ускорить сможешь ты. Но как именно — узнаешь только сам.

— Очень удобно.

— Для кого?

Андрей не ответил.

— А если я найду один клад и долго не стану искать остальные?

— Тогда у тебя останутся ещё два. Сила исчезнет только после третьей настоящей находки.

— Потерянное кольцо или монета считаются?

— Нет. Кладом считается то, что кто-то намеренно спрятал, закопал, замуровал или укрыл, рассчитывая вернуться позже.

— А если рядом два разных тайника?

— Почувствуешь разницу.

— И находка засчитывается, когда я её вижу?

— Когда тайник откроют по твоему указанию. Просто пройти мимо можно.

Андрей усмехнулся:

— Чем дальше, тем больше правил.

— Поэтому сначала научись пользоваться даром, а потом ищи лазейки.

— Дар не любит хитрецов.

Со стороны площадки донёлся голос Влада:

— Андрей! Ты там весь лес решил разобрать?!

Лепреконе нетерпеливо протянул руку.

— Решай.

Андрей посмотрел на его маленькую ладонь.

Три клада.

Потом неизвестность.

Сейчас это число казалось огромным. Обычный человек мог прожить всю жизнь и не найти ни одного настоящего тайника.

Но если дар окажется реальным, выбирать придётся осторожно.

Каждая находка будет иметь значение.

— А отказаться можно? — спросил Андрей.

— Можно.

— И никаких последствий?

— Ты вернул мне душу добровольно. Я не стану наказывать тебя за осторожность.

— Где подвох?

— Люди всегда ищут подвох там, где достаточно простой благодарности.

— Потому что простая благодарность редко включает способность видеть золото сквозь бетон.

Лепреконе усмехнулся.

— Дар не сделает тебя богатым сам по себе. Он лишь покажет, где спрятано золото. Всё остальное придётся решать тебе.

— Например, как его достать.

— И кому оно принадлежит.

— Если клад потерян, значит, уже никому.

Улыбка исчезла с лица лепреконе.

— Вот с таких мыслей обычно всё и начинается.

Он снова протянул руку.

— Согласен?

Андрей не торопился отвечать.

Перед ним стояло существо из детских сказок и предлагало способность видеть спрятанное золото. В любой другой ситуации Андрей решил бы, что сошёл с ума или стал жертвой тщательно подготовленного розыгрыша.

Но золотая монета была настоящей.

Он чувствовал её тяжесть и тепло.

А сияние, охватившее лепреконе, невозможно было объяснить фонариком или отражением света.

— Хорошо, — сказал Андрей. — Согласен.

Он пожал маленькую ладонь двумя пальцами.

В ту же секунду хватка лепреконе стала неожиданно сильной.

Золотой свет вырвался из-под зелёного рукава, обвился вокруг руки Андрея и стремительно поднялся к плечу.

Андрей попытался отдернуть ладонь, но не смог.

Свет ударил ему в глаза.

Исчезли сарай, дрова и окружавший их лес.

Перед Андреем возникла темнота.

В ней зажглись три яркие золотые искры.

Они вспыхнули одна за другой и на несколько мгновений зависли перед ним, словно три далёкие звезды.

Затем всё исчезло.

Лепрекон отпустил его руку.

Андрей пошатнулся.

В центре правой ладони проступила маленькая золотистая отметина. Она напоминала дерево с тремя расходящимися корнями — такое же, какое было изображено на монете.

Глава 3

Проверка дара

- Что это? — спросил Андрей.
- Знак дара.
- Я теперь постоянно буду видеть золото?
- Конечно нет.
- Почему «конечно»? Ты об этом ничего не сказал.
- Потому что ты опять не дал мне закончить.
- Лепрекон взял Андрея за руку и указал на отметину.
- Дар будет спать, пока ты сам его не разбудишь.
- Как?
- Сначала выбери место, которое хочешь проверить. Ты должен видеть его перед собой или точно представлять, что находится за стеной, под полом или под землёй.
- А потом?
- Прижми большой палец к знаку на ладони и скажи: «Покажи сокровище».
- И что произойдёт?
- Обычное зрение изменится. Всё вокруг потускнеет, а золото в выбранном направлении начнёт светиться.
- Только в выбранном направлении?
- Именно. Дар не станет показывать тебе всё золото вокруг. Иначе в большом городе ты ослепнешь от колец, цепочек, зубных коронок, банковских хранилищ и ювелирных магазинов.
- Андрей представил московское метро в час пик.
- Разумно.
- Строишь на дом — проверяешь дом. На участок земли — землю под ним. На стену — пространство за стеной.
- А если поверну голову?
- Область поиска переместится вместе с твоим взглядом.
- На каком расстоянии действует дар?
- Чем больше золота, тем дальше ты его почувствуешь. Одиночную вещь увидишь только вблизи. Большой клад может позвать тебя с нескольких сотен шагов.
- Позвать?
- Почувствуешь слабое притяжение. Будто кто-то тянет тебя в нужную сторону.
- И сколько можно так смотреть?
- Недолго. Несколько минут без вреда. Потом появятся тяжесть в глазах, головная боль и слабость. Чем дольше держишь дар открытым, тем сильнее он тебя утомляет.
- А выключить его как?
- Снова коснись знака и скажи: «Скройся».
- Окружающие что-нибудь заметят?
- Только если ты начнёшь разговаривать с ладонью и врезаться в деревья.
- Андрей посмотрел на золотистую отметину.
- Другие её увидят?
- Нет. Пока дар спит, знак виден только тебе.
- А после третьего клада?
- Он погаснет. Когда знак загорится снова, поймёшь, что сила вернулась.
- Лепрекон отступил к деревьям.

— Подожди, — сказал Андрей. — Мне больше ничего не нужно знать?

— Не будь жадным.

— Это правило?

— Это совет.

— А в чём разница?

Лепреконе на мгновение стал серьёзным.

— Правила нарушают и расплачиваются сразу. Советы вспоминают позже, когда расплачиваться уже поздно.

Андрей ещё раз посмотрел на отметину.

— Почему дерево? Почему не монета, не сундук — что-нибудь попроще?

Лепреконе посмотрел на него дольше, чем требовал вопрос.

— Потому что знак старше золота. Дерево было тут раньше, чем твой народ научился его чеканить.

— То есть дар — это не совсем про золото?

— Золото — то, что тебе показали первым. Оно самое понятное. — Он усмехнулся, но как-то невесело. — Корни у дерева всегда глубже, чем видно по стволу. Однажды, может, доберёшься и до них. А может, и нет — не всякому это нужно.

— А если доберусь?

— Тогда поймёшь, что искать золото — самое простое, что умеет этот знак.

Он не стал объяснять дальше.

Он шагнул за толстый ствол сосны.

Андрей сразу бросился следом.

За деревом никого не было.

Только сухая трава, несколько кустов и узкая тропинка, ведущая к холму.

— Отлично, — пробормотал Андрей. — Просто замечательно.

Он вернулся к дровяной куче, набрал поленьев и направился к площадке.

По дороге Андрей несколько раз посмотрел на ладонь. Золотистая отметина постепенно бледнела, пока почти не слилась с кожей.

Влад стоял возле мангала и безуспешно пытался разжечь сырой уголь. Таня нанизывала овощи на шампуры, а Маша раскладывала на столе посуду.

— Ты где был? — спросил Влад. — Мы уже решили, что тебя похитили лесные жители.

— Почти угадал.

— Грибы ел?

— Пока нет.

Андрей положил дрова возле мангала.

Рассказывать о лепреконе он не собирался.

Даже Влад, который зарабатывал на чужих тайнах и верил в самые невероятные возможности компьютерных технологий, едва ли спокойно воспринял бы историю о маленьком рыжем человечке, потерявшем собственную душу под кучей дров.

Тем более Андрей и сам ещё не был уверен, что всё случившееся ему не привиделось.

Знак на ладони мог оказаться игрой воображения.

Золотой свет — последствием сауны.

А рыжий человечек — слишком удачной галлюцинацией.

Андрею требовалось доказательство.

Настоящее, которое можно взять в руки.

Шашлыки были готовы уже в темноте.

Они ели, спорили о футболе и пили вино, купленное в магазине при санатории. Таня несколько раз пыталась выяснить, почему Андрей такой задумчивый, но он отшучивался, ссылаясь на усталость после сауны.

Когда мясо закончилось, Влад собрал шампуры, Таня стала складывать оставшиеся продукты, а Маша принялась убирать со стола пластиковые стаканы и салфетки.

— Надо оставить после себя приличное место, — сказала она. — А то утром нас объявят главными свиньями санатория.

— Я мусор соберу, — отозвался Влад.

— Я продукты отнесу, — сказала Таня.

Андрей посмотрел на испачканные тарелки и большую пластиковую миску из-под маринада.

— А я посуду ополосну.

— Воды возле мангала нет, — напомнил Влад.

— До озера недалеко.

— Только миску не утопи. Она Машина.

— Семейная реликвия, — подтвердила Маша. — Вчера куплена в супермаркете.

Андрей сложил тарелки в миску и направился к воде.

Никто не обратил на это особого внимания.

Пока остальные убирали площадку, он спустился по дорожке к небольшому пляжу. Днём здесь отдыхали постояльцы санатория, а теперь берег опустел. В песке остались следы шезлонгов, детские ямки и неровные отпечатки ног.

У самой воды темнели несколько деревянных настилов.

Андрей поставил миску на песок, присел возле берега и принялся ополаскивать тарелки. Вода была холодной. Она смывала остатки соуса и жира, унося их тонкими мутными полосами.

Закончив с первой тарелкой, Андрей оглянулся.

С площадки доносились голоса друзей. Влад что-то громко доказывал Тане, Маша смеялась. Отсюда их почти не было видно за деревьями.

Андрей посмотрел на правую ладонь.

Золотистая отметина едва различалась в слабом свете.

Он положил чистую тарелку в миску, прижал большой палец к знаку и сосредоточился на узкой полосе пляжа.

— Покажи сокровище, — тихо произнёс он.

Мир изменился.

Свет фонарей потускнел. Вода стала почти чёрной, песок — серым, а деревья на противоположном берегу слились в одну тёмную стену.

Первые несколько секунд Андрей ничего не видел.

Он поднялся, взял миску и медленно пошёл вдоль кромки воды, делая вид, что ищет более удобное место для мытья оставшейся посуды.

Через несколько метров в песке вспыхнул слабый золотой огонёк.

Андрей остановился.

Свет находился совсем неглубоко — под тонким слоем влажного песка.

Это не было плотным сиянием тайника. Всего лишь небольшая одиночная точка.

Не клад.

Просто потерянная золотая вещь.

Андрей поставил миску на сухой песок и присел.

Несколькими движениями он разгреб влажный песок. Почти сразу его пальцы коснулись металла.

Андрей осторожно вытащил находку.

На его ладони лежало золотое обручальное кольцо — простое, без камней, немного поцарапанное и покрытое налипшими песчинками.

Вероятно, кто-то потерял его во время купания. Возможно, кольцо соскользнуло с мокрого пальца в воде, а волны постепенно вынесли его ближе к берегу и засыпали песком.

Андрей ополоснул находку в озере и внимательно осмотрел.
На внутренней стороне кольца сохранилось небольшое клеймо с пробой 585.
Он убрал кольцо в карман и невольно улыбнулся.
Дар работал.

Не показалось. Не привиделось после сауны и вина. Не было розыгрышем, устроенным Владом.

Андрей действительно мог видеть золото, скрытое под песком, землёй и камнем.
И для этого ему не требовался металлоискатель.
Он посмотрел на тёмную полосу пляжа.

Сколько украшений люди теряли здесь за одно лето? А сколько их оставалось возле других озёр, на речных берегах и московских пляжах?

Кольца, цепочки, серьги, браслеты.
Похоже, по пляжам стоило походить.

Даже потерянные украшения могли принести неплохие деньги. Главное, их поиск не расходовал ни одну из трёх возможностей найти настоящий клад.

Он заметил, что уже составляет в голове что-то вроде графика смен: выходные, маршруты, берега, — и усмехнулся собственному продавскому чутью, которое и дар ухитрилось превратить в план продаж.

В глазах появилась лёгкая тяжесть.
Значит, лепреконе солгал и об этом.
Андрей коснулся отметины на ладони.
— Скройся.

Золотой свет исчез.
Вода снова заблестела под луной, а песок приобрёл обычный сероватый цвет.
Андрей ополоснул оставшуюся посуду и вернулся к друзьям.
— Что так долго? — спросил Влад, завязывая мусорный пакет.
— Миска жирная была.
Маша заглянула внутрь.
— Зато чистая. Можно доверять тебе серьёзные поручения.
— Я старался.

Андрей поставил посуду на стол и машинально коснулся кармана, в котором лежало обручальное кольцо.

О находке он ничего не сказал.
Пока друзья заканчивали уборку, Андрей снова посмотрел в сторону тёмного пляжа.
Теперь ему не нужен был металлоискатель.
Нужно было лишь свободное время и места, где люди часто теряли золото.
А по пляжам Андрей собирался пройтись обязательно.
Из санатория Андрей выехал в воскресенье после обеда.

С утра они ещё успели позавтракать, пройтись вокруг озера и собрать вещи. Таня с Машей спорили, кто забыл в номере зарядное устройство, Влад несколько раз проверял, не осталось ли в холодильнике чего-нибудь съедобного, а Андрей думал о кольце, лежавшем во внутреннем кармане куртки.

Небольшой кусок золота весил совсем немного, но ощущался как доказательство того, что вчерашняя встреча не была ни сном, ни розыгрышем. Андрей ловил себя на том, что каждые несколько минут касается кармана, — так трогают вещь, которая дороже всего остального имущества, вместе взятого.

Обратно ехали спокойнее. Влад почти всю дорогу спал, Таня слушала музыку в наушниках, а Маша разглядывала фотографии, сделанные за выходные.

У подъезда Андрей высадил девушек, затем отвёз Влада.

— Спасибо за культурный отдых, — сказал тот, вытаскивая из багажника опустевший переносной холодильник.

— В следующий раз уголь покупай сухой.

— В следующий раз ты сразу идёшь за дровами. Лесные жители тебя уже знают.

Андрей посмотрел на него.

— Очень смешно.

— Я серьёзно. Ты вернулся от сарая с таким лицом, будто увидел там говорящий гриб.

— Просто задумался.

— Вот и я говорю: опасное место.

Влад хлопнул ладонью по крыше Toyota.

— Позвони вечером.

— Позвоню.

Перед возвращением домой Андрей заехал на заправку и залил полный бак. Затем поставил машину в гараж, ещё раз осмотрел кузов и только после этого поднялся в квартиру.

Пётр Семёнович встретил его в прихожей.

— Всё нормально?

— Машина цела, бак полный, документы в бардачке.

— Масло не ела?

— Нет.

— За руль никого не пускал?

— Даже Влада.

Отец удовлетворённо кивнул и забрал ключи. Провёл пальцем по крылу, проверяя, не появилось ли новых царапин, и Андрей про себя усмехнулся: отцовская забота всегда выражалась именно так — через масло, колёса и документы. Если с машиной порядок, значит, и с сыном порядок.

Мария Владимировна выглянула из кухни.

— Хорошо отдохнули?

— Нормально.

— Девушки понравились?

— Мам...

— Я просто спросила.

Андрей ушёл в свою комнату, закрыл дверь и достал кольцо. При дневном свете оно выглядело совершенно обычно: тонкий золотой ободок, мелкие царапины и клеймо 585 на внутренней стороне.

Он завернул находку в ткань и убрал в старую коробку из-под часов.

Пользоваться даром в Москве Андрей пока не решался. Лепреконе предупреждал, что в городе вокруг слишком много золота. Даже направленный поиск мог оказаться непредсказуемым, а проверять способность в собственной квартире было глупо: если где-то за стеной и лежало украшение, оно принадлежало соседям.

Через несколько дней родители напомнили о предстоящей поездке в Соколино.

Анне Александровне исполнилось семьдесят лет. Родственники собирались приехать в субботу, а Пётр Семёнович решил выехать рано утром, чтобы успеть помочь с приготовлениями.

— Машину поведу я, — сказал Андрей.

— После прошлых выходных не устал? — спросил отец.

— Уже отдохнул. Ты сможешь выпить за маму и не думать о дороге.

— Аргумент убедительный.

Мария Владимировна поставила возле двери сумки с подарками.

— Только не гоните. И остановитесь по дороге купить цветы.

— Мы ещё не выехали, а ты уже командуешь, — заметил Пётр Семёнович.

— Потому и доезжаете всегда нормально.

В субботу утром Андрей снова сел за руль RAV4.

Москва постепенно осталась позади. Дорога шла через небольшие города, леса и поля. Отец рассказывал о знакомом геологе, который нашёл работу в Казахстане, мать вспоминала, что нужно позвонить тёте Любе, а Андрей время от времени смотрел на правую ладонь.

Знак почти не был замечен.

Чем дальше они уезжали от города, тем отчётливее Андрей ощущал слабое тепло под кожей. Дар будто просыпался вместе с удалением от московского шума.

К полудню показалось Соколино.

Деревня вытянулась вдоль единственной асфальтированной улицы. За домами начинались огороды, дальше — поля и лес. Многие избы давно стояли пустыми, но возле дома Анны Александровны и Семёна Дмитриевича было многолюдно.

У ворот уже стояли две машины. Во дворе носили столы, натягивали над ними тент и раскладывали посуду.

Анна Александровна вышла на крыльцо, как только Toyota остановилась.

— Наконец-то приехали!

Она обняла сына, невестку и внука, а затем сразу начала распоряжаться:

— Петя, отнеси коробки в дом. Маша, пойдём, покажу, куда поставить салаты. Андрей, помоги деду со столом.

Семён Дмитриевич стоял возле сарая и пытался один перенести длинную деревянную лавку.

— Дед, давай я.

— Сам бы справился.

— Я знаю. Поэтому и помогу.

Вместе они поставили лавку под тент.

Мария Владимировна сразу включилась в работу. Она таскала сумки, переставляла лавки и подолгу стояла у стола с салатами. Пётр Семёнович дважды говорил ей сесть.

— У мамы юбилей, я не могу сидеть.

— Тебе с твоим коленом тяжести нельзя, — сказал он тихо, чтобы Анна Александровна не услышала.

— Врач давно предупреждал. Я знаю.

Она поставила сумку на стол и только тогда присела на минуту.

Праздник начался после двух часов. Приехали дальние родственники, соседи и старые друзья семьи. За столом вспоминали молодость Анны Александровны, геологические экспедиции, деревенские свадьбы и случаи, которые каждый рассказчик с годами делал всё невероятнее.

Андрей не пил. Он обещал вести машину обратно и ограничился минералкой.

После нескольких тостов стало шумно. Кто-то запел старую песню, женщины подхватили, Семён Дмитриевич принёс гармонь, хотя играть на ней умел только одну мелодию.

Андрей вышел из-за стола и направился к дальнему краю двора.

Знак на ладони нагрелся.

Он остановился.

За огородом росла старая липа. Толстый ствол раздваивался почти у земли, корни выступали из травы, а рядом лежал проржавевший металлический уголок — остаток давно разобранного забора.

Андрей почувствовал слабое притяжение.

Не такое, как возле потерянного кольца на пляже. Глубже и плотнее.

Он оглянулся. Во дворе продолжали петь, никто на него не смотрел.

Андрей прижал большой палец к знаку.

— Покажи сокровище.

Краски потускнели.

Под землёй возле липы вспыхнуло золотое пятно.

Небольшое, но цельное. Настоящий тайник.

Андрей сразу коснулся ладони.

— Скройся.

Свет исчез.

Сердце колотилось так, будто он не на землю посмотрел, а чужой кошелек поднял. Во дворе пели, дед искал запасные шампуры, бабушка распоряжалась салатами — и только он один во всём дворе знал, что лежит под липой. От этого знания было и радостно, и одиноко: секрет начинал становиться привычкой.

Он вернулся к сараю, где Семён Дмитриевич искал запасные шампуры.

— Дед, лопату можно взять?

— Зачем?

— Возле липы металл из земли торчит. Хочу посмотреть, что там. Может, старый фундамент или ограда.

— Опять геология проснулась?

— Похоже на то.

Дед указал на дальний угол сарая.

— Штыковая там. Только потом землю разровняй и инструмент очисти.

— Обязательно.

Глава 4

Два тайника

Андрей взял лопату и вернулся к липе.

Земля была плотной, переплетённой корнями. Приходилось работать осторожно, чтобы не повредить дерево. Через несколько минут лезвие ударилось о металл.

Андрей расширил яму и увидел край небольшой коробки.

Она почти полностью проржавела. Крышка держалась на остатках петель и рассыпалась, когда Андрей попытался её поднять.

Внутри лежал свёрток из промасленной ткани.

Сердце забило быстрее.

Андрей развернул ткань.

Пять золотых монет РСФСР 1923 года. На одной стороне был изображён крестьянин, разбрасывающий зерно, и надпись «Один червонец», на другой — герб РСФСР.

Небольшой нательный крест.

Он коснулся правой ладони.

Один из трёх корней на знаке потемнел.

Первая настоящая находка была сделана.

Андрей завернул вещи обратно, положил их в карман куртки и тщательно засыпал яму. Проржавевшую коробку оставил возле дерева, прикрыв листьями: уносить её через полный гостей двор было рискованнее.

Внутри все ликовало. Работает. Дар работает.

Лопату он очистил у колонки и вернул в сарай.

— Ну что там? — спросил дед.

— Старое железо. Похоже, кусок ограды.

— Я же говорил. Здесь раньше всё было перегороджено.

Андрей кивнул и вернулся к столу.

Весь оставшийся день он чувствовал вес находки в кармане. Несколько раз проверял, на месте ли свёрток, а потом незаметно перенёс его в рюкзак, лежавший в доме.

Вечером, когда последние гости разъехались, Андрей увидел, что мать сидит за столом и растирает колено.

— Давно болит?

— Врач давно наблюдает. Сустав изношен. Пока терпимо — таблетки и мази. Станет невыносимо — операция.

— Почему мне не сказали?

— Говорили. Ты просто не слушал.

Она поднялась и осторожно переступила порог.

— Не переживай. Просто сегодня я немного перестояла.

К вечеру часть гостей разъехалась. Остались самые близкие и несколько соседей.

Среди них был Матвей — давний друг Семёна Дмитриевича. Невысокий сухощавый старик говорил медленно, но любую историю умел превратить в приключение.

После ужина Андрей пошёл проводить его до дома.

Они двигались по тёмной улице. Матвей опирался на палку и время от времени останавливался, чтобы перевести дыхание.

— Дед твой говорил, ты на геолога учился, — сказал он.

— Два курса.

- И бросил.
- Бросил.
- Зря.
- Сегодня мне уже об этом напоминали.

Матвей усмехнулся.

- Значит, не я один умный.

Они прошли мимо заросшего участка. За покосившимся забором темнел остов большого дома: часть крыши провалилась, окна были заколочены, а сад превратился в густые заросли.

— Купеческий дом, — сказал Матвей. — До революции здесь Орлов жил. Торговал лесом и зерном. Говорили, богатый был.

Андрей посмотрел на развалины.

- И что с ним стало?
- Уехал. Или убили. Кто теперь знает. А золото будто бы спрятал перед отъездом.
- Нашли?
- Искали многие. В доме полы поднимали, печи разбирали, сад перекопали. Ничего.
- А откуда известно, что оно было?
- Оттуда же, откуда все хорошие истории. Кто-то кому-то сказал.

Матвей остановился возле калитки своего дома.

- Только место там нехорошее. Плиты старые, ямы, колодец заваленный. Один не ходи.
- Не пойду.
- Вот и правильно.

Андрей подождал, пока старик войдёт во двор, и повернул назад.

Возле купеческого дома знак на ладони едва заметно потеплел.

Он не стал активировать дар. Ночью лазить по чужим развалинам было слишком опасно, а родители могли заметить его отсутствие. Тепло под кожей тянуло, как запах хлеба тянет голодного, и Андрей постоял у калитки, глядя на чёрные окна, сердясь на себя: он слишком быстро учился хотеть золото. Именно хотеть — а ведь лепрекон предупреждал как раз про это.

Утром Андрей проснулся раньше остальных.

Во дворе было тихо. Анна Александровна ещё не вышла из дома, Семён Дмитриевич возился возле сарая.

- Дед, лом у тебя есть?
- Старик поднял голову.
- Теперь что изучать собрался?
- Вчера Матвей рассказал про купеческий дом. Хочу посмотреть старую кладку. Там одна плита возле сада просела.
- Он тебе ещё не такое расскажет. Лом возле верстака. Только в дом не лезь — крыша рухнуть может.
- Я снаружи.
- И к колодцу не подходи.
- Хорошо.

Андрей взял лом и лопату, положил в рюкзак пустой мешок и отправился к заброшенному участку.

Улица была почти пустой. Лишь возле магазина две женщины разгружали ящики с хлебом.

За покосившейся калиткой начинались заросли крапивы и молодой поросли. Андрей обошёл дом стороной и вышел в старый сад.

Яблони одичали. Ветви переплелись, трава доходила до колен. Под ногами попадались кирпичи и куски черепицы.

Тепло в ладони усилилось.

Андрей активировал дар.

— Покажи сокровище.

Золотое сияние появилось почти сразу.

Оно шло из-под каменной плиты возле старой яблони.

Плита выглядела частью разрушенной дорожки. Таких в саду было несколько десятков. Без дара Андрей мог бы искать здесь неделями.

Он выключил способность и осмотрелся.

Никого.

Край плиты зарос мхом. Андрей очистил его лопатой, вставил лом в щель и нажал. Камень не поддался.

Со второго раза плита приподнялась. Андрей подсунил под неё кирпич, переставил лом и медленно сдвинул тяжёлый камень в сторону.

Под ним обнаружилась прямоугольная ниша, закрытая слоем глины.

Андрей разгрёб землю руками.

Внутри лежала небольшая металлическая шкатулка. Замок давно проржавел, крышка открылась после первого удара рукояткой лопаты.

В шкатулке находились две плотно скрученные кожаные «колбаски», перетянутые истлевшим шнуром.

Больше ничего.

Андрей разрезал один шнур и осторожно развернул задубевшую кожу.

На ладонь легли золотые монеты.

Десять червонцев Николая II.

Во втором свёртке оказалось ещё десять.

Двадцать золотых монет.

На знаке потемнел второй корень.

Оставался один.

Двадцать монет лежали на коже спокойно, будто ждали его все эти годы. Наверное, и ждали. Только Андрей почему-то думал сейчас не о том, кто их спрятал, а о том, как быстро он сам привыкает становиться на колени перед чужими тайниками. Первый тайник был удачей. Второй уже становился привычкой. Это слово ему не нравилось.

Андрей снова завернул монеты, положил оба свёртка в шкатулку и убрал её в рюкзак. Затем засыпал нишу, вернул плиту на место и разбросал сверху сухие листья.

Работа заняла больше времени, чем он рассчитывал.

Когда Андрей выбрался на улицу, солнце уже поднялось высоко. Он быстро пошёл к дому, ощущая за спиной тяжесть рюкзака.

К тому времени, когда Андрей вернулся, родители уже собирались уезжать.

Во дворе снова накрыли стол, только теперь вместо праздничных блюд на нём стояли остатки закусок, солёные огурцы и начатая бутылка самогона.

— Наконец-то! — встретила его Мария Владимировна. — Мы уже думали, за тобой идти.

Она посмотрела на лопату и лом.

— С таким набором гулял?

— Купеческий фундамент изучал.

Семён Дмитриевич взглянул на грязные колени внука.

— Нашёл что-нибудь интересное?

Андрей поправил тяжёлый рюкзак.

— Камни.

— Хорошие?

— Очень.

Дед рассмеялся.

— Всё-таки геология в крови.

Андрей отнёс инструменты в сарай, тщательно очистил их от земли и поставил на прежние места.

Когда он вернулся, Анна Александровна уже укладывала гостинцы.

На крыльце стояли две сумки, коробка с пирогами и пакет с банками. Семён Дмитриевич вынес из холодной кладовой несколько свёртков, от которых пахло копчёным мясом.

— Это вам, — сказал он. — Здесь грудинка, окорок и рыба.

— Папа, куда столько? — спросил Пётр Семёнович.

— В Москву.

— Мы поняли, что не в Африку.

— Тогда не задавай лишних вопросов.

Анна Александровна принесла ещё одну сумку.

— Здесь огурцы, помидоры и варенье.

— Мам, у нас всё это продаётся, — заметил Пётр Семёнович.

— У вас продаётся неизвестно что. А это своё.

— Мы на машине, а не на грузовике.

— Влезет.

Андрей поставил рюкзак на заднее сиденье и лично проследил, чтобы сверху ничего не положили. Затем вместе с отцом начал укладывать гостинцы в багажник.

Мария Владимировна вышла из дома последней. Спускаясь с крыльца, она неожиданно поморщилась и на несколько секунд остановилась, придерживаясь за перила.

— Опять нога? — спросил Пётр Семёнович.

— Немного прихватило. Вчера перестаралась с сумками.

— Я же просил не таскать.

— Ты к врачу записалась?

— Запишусь на неделе.

— Ты это уже месяц говоришь.

— Не начинай при всех.

Мария Владимировна осторожно спустилась с последней ступени и направилась к машине. Она старалась идти как обычно, но Андрей заметил, что на левую ногу мать почти не наступает. Она всегда так делала — терпела и изображала порядок, чтобы не нагружать остальных, и раньше он этого не замечал, а теперь видел каждый шаг.

— Сильно болит? — тихо спросил он.

— Терпимо. Сустав иногда даёт о себе знать.

— Может, я помогу?

— Не надо. До машины сама дойду.

Анна Александровна неодобрительно покачала головой.

— Вот всё вы, городские, терпите. Пока совсем не прижмёт, к доктору не идёте.

— Мам, я схожу.

— Обязательно сходи. С суставами шутки плохи.

Семён Дмитриевич тем временем вынес на крыльцо бутылку самогона и четыре небольшие рюмки.

— Теперь на посошок.

— Папа, мы едем, — напомнил Пётр Семёнович.

— По одной можно.

— Мне нельзя, — сказал Андрей. — Я за рулём.

Дед посмотрел на сына.

— А ты?

Пётр Семёнович перевёл взгляд на жену, которая с трудом устраивалась на переднем сиденье.

- Я тоже не буду. Вдруг Андрею понадобится смена.
- Перестраховщики, — проворчал Семён Дмитриевич.
- Зато доедем, — ответил Андрей.
- Доедете. Только сейчас молодёжь даже провожаться разучилась.
- Анна Александровна забрала у мужа бутылку.
- Хватит их задерживать. И без того поздно выезжают.
- Она обняла сына, затем Марию Владимировну.
- Андрея бабушка прижала к себе особенно крепко.
- Чаще приезжай.
- Постараюсь.
- Не постараюсь, а приезжай.
- Хорошо. Приеду.
- И позвони, как доберётесь.
- Обязательно.

Семён Дмитриевич пожал Андрею руку и хлопнул по плечу.

- Камни свои не забудь.
- Андрей невольно посмотрел на рюкзак.
- Не забуду.
- И институт всё-таки зря бросил.
- Дед...
- Молчу. Езжай.

Андрей сел за руль.

Пётр Семёнович устроился рядом, а Мария Владимировна легла на заднем сиденье, вытянув больную ногу. Рюкзак с находками стоял на полу возле неё.

Машина медленно выехала со двора.

В зеркале заднего вида Андрей видел, как бабушка и дедушка стоят у калитки. Анна Александровна махала рукой, а Семён Дмитриевич держал её за плечи.

Через несколько минут деревня осталась позади.

Первые километры ехали молча.

Мария Владимировна закрыла глаза. Лицо у неё было бледным.

- Может, обезболивающее дать? — спросил Пётр Семёнович.
- Дома выпью.
- Почему не сказала, что стало хуже?
- Не хотела портить маме юбилей.
- Надо было сказать мне.
- И что бы изменилось?
- Мы уехали бы раньше.
- Поэтому и не сказала.

Андрей посмотрел на мать в зеркало.

Раньше она иногда жаловалась на ногу, но он не придавал этому значения. Считал обычной усталостью после работы или долгой ходьбы. Теперь боль явно стала сильнее, и семья тихо накапливала большую беду, и никто не хотел первым назвать её вслух — он видел это по тому, как мать старалась лежать неподвижно и как отец слишком внимательно смотрит на дорогу.

- В понедельник запишись к врачу, — сказал он.

Мария Владимировна открыла глаза.

- Запишусь.
- Не забудь.

— Вы с отцом решили вдвоём меня воспитывать?

— Кто-то же должен.

Она слабо улыбнулась.

— Хорошо. Схожу.

Дальше говорили мало.

Пётр Семёнович несколько раз предлагал сменить Андрея, но тот отказался. Самогон он не пил, чувствовал себя хорошо и хотел поскорее попасть Москву чтобы посмотреть сколько же все стоит.

Дорога заняла несколько часов.

В воскресенье вечером машин было много. На подъезде к Москве движение замедлилось, затем несколько раз почти полностью останавливалось.

Мария Владимировна задремала.

Пётр Семёнович смотрел на дорогу и время от времени комментировал действия соседних водителей.

— Вот зачем он перестраивается?

— Ему так быстрее кажется.

— Теперь сам стоит и другим мешает.

— Зато на три метра впереди.

— Три метра для некоторых — смысл жизни.

Андрей улыбнулся, но мысли его были далеко.

Рюкзак стоял совсем рядом.

На его дне лежали два клада, собственноручно добытых за каких то два дня.

Он ещё не понимал, сколько всё это может стоить.

Но теперь у него было настоящее золото.

Не найденное на пляже кольцо.

Не случайная потеря.

Клад.

Дома Андрей помог матери подняться по лестнице. Она старалась не показывать, насколько ей больно, но на каждой ступени останавливалась и переносила вес на здоровую ногу.

— Может, скорую вызвать? — спросил он.

— Не выдумывай. Полежу — пройдёт.

— А завтра?

— Завтра позвоню в поликлинику.

— Точно?

— Точно.

Андрей отнёс гостинцы на кухню, затем забрал рюкзак и закрылся в своей комнате.

Сначала он достал находки из первого тайника.

Советские червонцы и крест.

Потом открыл металлическую шкатулку и положил на стол два кожаных свёртка.

Задубевшая кожа разворачивалась с трудом.

Монеты одна за другой легли на стол.

Двадцать золотых червонцев Николая II.

Андрей разложил их в два ряда и снова пересчитал.

Двадцать.

Он включил настольную лампу и начал рассматривать монеты через увеличительное стекло, которое когда-то осталось у него после учёбы.

На лицевой стороне был изображён профиль императора. На оборотной — двуглавый орёл и номинал в десять рублей.

На монетах стояли разные годы.

Некоторые сохранились лучше, другие были покрыты мелкими царапинами. На гурте виднелись буквы и узоры, значения которых Андрей не понимал.

Он включил компьютер.

Первые же результаты поиска показали, что стоимость монеты зависела не только от веса золота. Значение имели год выпуска, сохранность, разновидность штемпеля и даже надписи на гурте.

На аукционах цены различались в несколько раз.

Одни червонцы продавали ненамного дороже стоимости металла. За другие просили суммы, которые Андрей раньше видел только в объявлениях о подержанных автомобилях.

Он начал сравнивать фотографии.

Открыл один каталог.

Потом другой.

Записывал годы, вес, примерную пробу и найденные цены. Несколько раз ему казалось, что одна из его монет относится к редкой разновидности, но через минуту находилось отличие в букве, портрете или форме орла.

Через два часа Андрей понял только одно: без специалиста он не разберётся. Но все равно сумма получалась не малая.

Можно было обратиться к Владу.

Тот наверняка нашёл бы нужного человека, проверил владельцев скупок и выяснил, где за монеты дадут больше.

Но тогда пришлось бы объяснять, откуда взялось золото.

Андрей пока не хотел делиться тайной даже с ним. Не потому, что не доверял Владу, а потому, что понял простую вещь: тайна, рассказанная второму, перестаёт быть тайной и становится общей ответственностью. Тащить Влада в эту историю он не хотел даже краем.

Обычные ломбарды тоже не подходили. Там монету могли принять как лом, не учитывая её историческую и коллекционную ценность.

Нужна была скупка, которая работала со старинными деньгами.

Желательно недалеко от дома.

Андрей открыл карту и начал просматривать объявления.

Несколько подходящих мест находились в центре Москвы, но туда пришлось бы ехать с пересадками и камерами на каждом углу. Две конторы имели слишком много отрицательных отзывов. Ещё одна требовала заранее прислать фотографии монет.

Это Андрею не понравилось.

Наконец он нашёл небольшую скупку в Кунцеве.

До неё можно было добраться за двадцать минут.

В объявлении было написано:

«Покупка старинных монет. Золото. Серебро. Бесплатная оценка. Расчёт сразу».

Сайт выглядел скромно. Несколько фотографий витрин, перечень услуг и номер городского телефона.

Никаких фамилий владельцев.

Никаких требований заранее отправлять фотографии.

Отзывы были короткими и в основном положительными. Люди писали, что оценщик разбирается в монетах и платит наличными.

Андрей переписал адрес на лист бумаги.

Кунцево.

Недалеко от дома.

Показывать весь клад он не собирался.

Для начала достаточно одной монеты.

Он выбрал царский червонец, который выглядел самым обычным, завернул его в мягкую ткань и убрал в ящик стола.

Остальные монеты снова разделил на две равные части, завернул в старую кожу и положил в металлическую шкатулку. Крест и кольцо из санатория убрал туда же.

Шкатулку Андрей спрятал в старый чемодан на верхней полке шкафа.

Затем выключил компьютер и ещё раз посмотрел на записанный адрес.

Завтра после работы он планировал съездить в Кунцево и продать одну пробную монету.

В голове у него уже строились планы об отдельной квартире и машине, путешествиях на роскошных океанских лайнерах и экзотические страны.

Глава 5

Цена времени

Он лёг далеко за полночь, но уснуть не успел.

Из комнаты родителей донёсся приглушённый стон, затем шум упавшего предмета — стакан с прикроватной тумбочки покатился по полу.

Андрей вскочил и выбежал в коридор.

Мария Владимировна сидела на краю кровати, обеими руками обхватив больное колено. На лбу выступил пот. У её ног растекалась лужица, и край одеяла уже потемнел от воды.

— Мам!

— Не могу... — выдохнула она. — Ногу будто выворачивает.

Пётр Семёнович уже говорил с оператором скорой — ровным голосом, которого Андрей никогда у него не слышал: боль внезапная, очень сильная, колено опухло, встать не может, да, адрес сейчас назову.

Андрей принёс холодное полотенце, но мать не позволила прикоснуться к ноге.

Скорая приехала быстро. Фельдшер осмотрел сустав, измерил давление, сделал обезболивающий укол и помог Марии Владимировне лечь.

— Облегчение должно наступить минут через пятнадцать, — сказал он. — Но это временно. Утром обязательно в травматологию или к ортопеду. По-хорошему нужно обследование и снимок.

— Может, сейчас в больницу? — спросил Андрей.

— Прямой угрозы жизни нет. Но если боль не уменьшится или поднимется температура, вызывайте снова. И не откладывайте врача.

После укола Марии Владимировне стало немного легче. Она закрыла глаза, однако уснуть так и не смогла.

До рассвета Андрей несколько раз заходил в комнату родителей. Отец сидел рядом с кроватью и время от времени поправлял одеяло. Мать лежала не поворачиваясь и дышала осторожно, словно каждое движение имело цену.

Андрей не лёг. Он сидел у себя и впервые за долгое время честно перебирал, что у него есть.

Зарплата менеджера — три недели работы ради одной недели клиники. Кредит — анкеты, одобрение, процент и всё равно не раньше чем через несколько дней. Машина — перекупщики за бесценок. Друзья — никого не хотелось втягивать. И монеты. Двадцать золотых червонцев, которые лежали в чемодане на верхней полке шкафа и стоили, возможно, больше всего остального, вместе взятого.

Каждый вариант был недостаточен или опасен. И все они требовали одного и того же: довериться чужим людям.

Утром они поехали в больницу.

После осмотра Марии Владимировне сделали рентген. Врач долго изучал снимки, затем попросил её ещё раз согнуть и разогнуть ногу.

— Сустав разрушен серьёзно, — наконец сказал он. — Консервативное лечение даст только временное облегчение. Нужна операция.

— Срочно? — спросил Пётр Семёнович.

— Чем раньше, тем лучше. Боль уже не случайная и не погодная. Процесс зашёл далеко. Процесс давний: вы наблюдались, вас предупреждали о нагрузках.

— Предупреждали, — тихо ответила Мария Владимировна.

Она побледнела.

— А без операции никак?

— Можно продолжать обезболивающие, уколы, физиотерапию. Но причину они не устранят. Нагрузка будет переноситься всё хуже.

— Когда можно сделать операцию? — спросил Андрей.

Врач открыл расписание на компьютере.

— По государственной линии очередь около двух месяцев. Возможно, удастся раньше, если освободится место, но обещать не могу.

— Два месяца она должна жить с такой болью?

— Я понимаю ваше беспокойство. Можно обратиться в частный центр. Там сроки обычно короче, но лечение платное.

Андрей из всего разговора услышал только одно: матери по-настоящему плохо, и, кроме него, этого никто не изменит. Не очередь, не кредит, не «посмотрим». Он.

Пётр Семёнович попросил выписку, результаты обследования и копии снимков.

Домой они вернулись молча.

Мария Владимировна легла, а Андрей с отцом сели на кухне.

— Два месяца она не выдержит, — сказал Андрей.

— Не выдержит, — согласился Пётр Семёнович.

Андрей принёс ноутбук и поставил его рядом с чайником. Вбил в поисковик: «операция коленный сустав Москва платная клиника». Выдача посыпалась яркой колонкой: баннеры, «ведущие специалисты», фотографии улыбающихся врачей в белых халатах.

Пётр Семёнович надел очки и придвинулся ближе к экрану.

— Все одинаковые, — сказал он. — Как будто одна клиника с разными вывесками.

— Поэтому звонить будем по очереди.

Несколько часов они работали так, как Андрей раньше сравнивал предложения поставщиков: сайт, сроки, условия, телефон, пометки в таблице. Отец сидел рядом, слушал и иногда просил перечитать, что записано.

В одном месте предложили консультацию только через неделю.

В другом операцию могли провести быстро, но очередь на обследование была расписана почти на месяц.

В третьей клинике администратор попросила прислать снимки и выписку. Через час перезвонил хирург.

— Ситуация понятна, — сказал он. — У нас освободилось операционное окно на четверг. Но пациентку необходимо завтра привезти на дополнительные анализы и обследования.

— Мы согласны, — сразу ответил Андрей.

— Тогда предупреждаю: место закрепляется после предоплаты. По стоимости вас ориентирует администратор.

И отключился так быстро, будто само слово «цена» противоречило клятве гиппократов.

Администратор говорила другим тоном — так говорят про сроки поставки и гарантию на оборудование:

— В стоимость входит операция, имплант и пребывание в стационаре. Лекарства, отдельная палата, сиделка и последующая реабилитация рассчитываются отдельно. Место закрепляется после предоплаты.

Она назвала сумму.

Андрей не сразу понял. Число было шестизначным и ровным, как номер в договоре. На работе такие числа проходили мимо ушей: серверные стойки для корпоративных клиентов, чужие деньги, чужие решения. Здесь деньги были его.

Андрей ждал, что администратор повторит сумму и она окажется меньше.

— Это окончательная сумма?

— Точную назовём после обследования и подбора импланта. Но ориентироваться нужно именно на этот порядок.

— До какого времени надо внести предоплату?

— До завтрашнего вечера. Иначе окно отдадут другому пациенту.

Он услышал собственный голос и узнал тон — тот, которым разговаривал с клиентом, узнавшим цену: не дать встать и уйти. Только клиентом теперь был он сам, и удерживать его было некому.

Пётр Семёнович сказал в трубку «спасибо» — администратору, по привычке, как благодарят врача — и отключил телефон.

Оба сидели, не глядя друг на друга.

— У нас столько нет, — сказал отец.

— Сколько есть?

Пётр Семёнович принёс из комнаты папку с документами, банковские выписки и конверт с наличными. Они сложили накопления родителей, Андрей добавил деньги со своей карты.

Получалось значительно меньше названной суммы. Андрей и не заметил, как начал считать не сумму, а разницу: привычка продавца, которому назвали цену, а он привык искать, чем её закрыть.

— Можно занять, — сказал Андрей.

— У кого? — отец не поднял головы. — Таких денег за сутки никто не даст.

— Продать машину.

— За сутки её только перекупщикам отдавать за бесценок. И всё равно сразу всей суммы не будет.

— Кредит?

Пётр Семёнович покачал головой.

— Даже если одобрят, деньги не выдадут мгновенно. А потом ещё лекарства, уход, восстановление. Одна операция вопрос не закрывает.

Из комнаты послышался голос Марии Владимировны:

— Не надо ничего продавать.

Они обернулись. Она стояла в дверях, опираясь на стену. Андрей понял это не сразу, а через секунду: мать стояла там уже какое-то время и слушала ещё с кухни, с того момента, как отец начал раскладывать выписки. И не вошла раньше только потому, что любой вопрос о деньгах теперь оборачивался против неё же.

— Мам, тебе нельзя вставать, — Андрей подскочил и помог ей дойти до стула.

— Я всё слышала. Подожду очередь.

— Два месяца?

— Другие ждут и больше.

— Другие сейчас не могут на ногу встать?

— Андрей, не повышай голос.

Он замолчал.

Мария Владимировна положила ладонь ему на руку.

— Я не хочу, чтобы вы из-за меня влезли в долги, продали машину и остались без денег.

— А я не хочу смотреть, как ты терпишь боль.

— Потерплю.

— Нет.

Андрей произнёс это тихо, но так твёрдо, что мать больше не спорила.

Когда мать уснула, Андрей вышел на кухню. Отец всё ещё сидел над документами, но уже не читал — просто смотрел в одну и ту же страницу.

— Пап, есть ещё один вариант. Влад мне рассказал про благотворительный фонд. Они помогают как раз в таких случаях: оплачивают операции и восстановление. Я попробую с ними связаться.

Пётр Семёнович снял очки.

— Какой фонд?

— Благотворительный. У них программа именно по таким операциям. Влад говорил, они платят быстро, если документы в порядке.

— И ты веришь?

— Я верю, что надо пробовать всё, — ответил Андрей. — В том числе это.

Отец долго молчал, потом кивнул.

— Попробуй. Только не плати им ничего вперёд. Благотворительный фонд, который просит деньги заранее, — не благотворительный фонд.

— Договорились.

Андрей не стал говорить ни про монеты, ни про покупателей. Фонд был единственной историей, которую родители могли вынести без страха. Он придумал её за минуту, в коридоре, и теперь сам удивлялся, как легко отец её принял: люди охотнее верят тому, что их успокаивает.

Сам Андрей в фонд не верил. Он рассчитывал на монеты.

Он ушёл в свою комнату и закрыл дверь. Свет включать не стал. Сел в темноте и прислушался к квартире: отец за стеной, холодильник, мать — тихо. Слишком тихо. Так она лежала, когда боялась потревожить ногу: не поворачиваясь, не шевелясь, терпела до утра. Вчера за стеной был стон и шум покотившегося стакана. «Ногу будто выворачивает», — выдохнула она тогда. Это до сих пор стояло у него в ушах.

Потом он достал коробку.

На ладонь высыпались золотые десятирублёвые монеты Николая II. Двадцать одинаковых червонцев.

Ещё несколько часов назад они казались ему доказательством невероятной удачи и богатства. Сейчас Андрей видел в них только возможность успеть до четверга. Теперь сказка лежала на ладони и весила ровно столько, сколько стоила операция без лекарств. Пересчитывать оставшиеся он не стал: пересчитанная сказка становилась зарплатой, а он ещё не был готов видеть мать статьёй расхода. Даже в собственной голове.

Он выбрал одну монету, остальные снова завернул и спрятал.

В интернете нашлось несколько скупок и нумизматических магазинов. Цены отличались настолько сильно, что понять реальную стоимость было невозможно. Одни объявления обещали огромные суммы, другие предлагали выкуп почти по цене металла.

Так ничего и не решив, Андрей лёг и почти сразу уснул.

Во сне снова появился лепреконе. Он стоял у кровати, сердито уперев руки в бока.

— Ты что удумал? Решил ходить по пляжам и таскать золото мешками?

Андрей хотел ответить, но лепреконе не дал.

— Я про поступки не зря говорил. Три настоящих клада — это не разрешение на жадность. Думай, зачем ищешь и что делаешь с найденным.

Он ткнул пальцем в ладонь Андрея.

— Особенно с последним корнем. Ошибёшься — потом не жалуйся.

Утром Андрей проснулся с тяжёлой головой. Походы по пляжам больше не казались безобидной подработкой. С последним корнем стоило быть осторожнее.

С этими мыслями он поехал на работу.

Андрей подошёл к Владу через два часа, когда утренняя толкотня в офисе улеглась, а сотрудники потянулись за кофе и в курилку.

— Ты в монетах разбираешься?

— Смотря в каких. Электронных — да. Золотых царских — только в теории. А что?

— У знакомого есть десятирублёвая монета Николая Второго. Хочет продать быстро.

— Быстро и дорого обычно не бывает.

— Мне нужен нормальный покупатель.

Влад немного помолчал.

— В Кунцеве есть скупка. Я когда-то восстанавливал им компьютер. Хозяина зовут Славик. Мутноватый, но деньги платит сразу. Только без меня туда лучше ничего дорогого не носи.

— Ты сможешь подъехать?

— После шести.

— Поздно. Мне надо сейчас.

— Тогда хотя бы не отдавай паспорт из рук и не рассказывай, откуда вещь. Пусть сначала назовёт цену.

— Понял.

— Андрей, у тебя что случилось?

— Потом объясню.

По дороге в скупку он дважды чуть не развернулся. Золото в кармане жгло бедро. Чужой город, чужой человек, чужие правила — всё внутри требовало не ходить, подождать, поискать другой способ. Но другого способа не было. Были слова врача: «не откладывайте решение».

Скупка находилась в небольшом помещении на первом этаже старого торгового центра. За стеклянной дверью висела табличка: «Монеты. Антиквариат. Драгоценные металлы».

За прилавком сидел невысокий мужчина лет сорока с аккуратно подстриженными усами и внимательными тёмными глазами.

— Славик? — спросил Андрей.

— Смотря кто спрашивает.

— Влад дал адрес. Сказал, вы покупаете старые монеты.

При имени Влада мужчина немного расслабился.

— Показывай.

Андрей положил червонец на мягкую подложку.

Славик взял монету пинцетом, осмотрел под лупой, взвесил, проверил края и несколько раз повернул под светом лампы.

— Николай Второй. Десять рублей, — сказал он. — Состояние не музейное, но хорошее.

— Сколько дадите?

Славик назвал приблизительную цену.

Андрей ожидал большего, однако торговаться не стал.

— Деньги сразу?

— Сразу. Но сначала паспорт.

— Зачем?

— Обычная процедура. Я должен понимать, у кого покупаю золото.

Андрей передал документ. Славик переписал данные, вернул паспорт и ещё раз посмотрел на монету.

— Семейная?

— Да.

— Давно у вас?

— Давно.

— Ещё такие есть?

Андрей выдержал паузу.

— Может быть.

Славик улыбнулся.

— Если найдутся, не бегай по объявлениям. Принесёшь мне — договоримся. За количество цена будет интереснее.

Он отсчитал деньги и передал Андрею вместе с визитной карточкой.

— Тут мой личный номер. Лучше сначала позвони.

— Почему личный?

— Потому что хорошие вещи не любят лишних глаз.

Андрей убрал деньги и карточку.

— А если нужно продать много и быстро?

Славик перестал улыбаться.

— Насколько много?

— Я спросил на будущее.

— На будущее всё зависит от количества и происхождения.

— Семейные вещи.

— Это ты уже говорил.

Славик постучал ногтем по прилавку.

— Позвони, когда появится конкретный разговор.

Дома Андрей деньги на стол не выложил. Купюры он положил в ящик стола, рядом с коробкой. Родителям про эти деньги знать было не нужно: чем больше они знают, тем сильнее боятся.

Вечером он вышел на кухню. Отец всё ещё сидел над документами.

— Сегодня поговорил по телефону с представителем фонда, она подтвердила что программа работает, надо послать на электронную почту заключение врача и направление в клинику на операцию вместе со счетом на оплату — сказал Андрей. — Влад говорит, они решают быстро. Всё получится, пап.

Отец положил ладонь на конверт с деньгами.

— Ты говоришь об этом так, будто уже решено.

— Решится. Я уверен.

Собственная уверенность удивила Андрея. До конца он себе ещё не верил, но на сегодняшний вечер её хватало.

— Кто решит? Люди, которых ты ни разу не видел?

— Влад с ними общался. Говорит, нормальные люди.

Пётр Семёнович устало провёл ладонью по лицу.

— Я подумал, что мой сын за два дня изменился. Что-то скрывает, торопится и связывается с людьми, которых сам не знает.

— Я не тороплюсь. Я успеваю.

— Когда человек спешит, ему чаще всего и предлагают самую дорогую помощь, — сказал отец. — Я тебе это уже говорил.

Андрей не ответил. Хуже всего было то, что отец отчасти прав.

Он ушёл в свою комнату. Телефон лежал перед ним несколько минут.

Он вспоминал мать, не сумевшую ночью подняться с кровати. Врача, сказавшего, что откладывать нежелательно. Администратора клиники, предупредившую, что окно на четверг придержат только до следующего вечера. Он хотел позвонить сразу, и эта поспешность его пугала: за последние дни он слишком легко соглашался на разговоры с незнакомыми людьми.

Наконец Андрей набрал номер.

Славик ответил почти сразу.

— Слушаю.

— Это Андрей. Я сегодня приносил десятирублёвую монету.

— Помню. Что, ещё нашлась?

— Не одна.

На другом конце стало тихо.

— Сколько?

— Ещё девятнадцать таких же.

— Девятнадцать?

— Да. И ещё пять советских золотых «сеятелей». Плюс золотые нательный крест и тонкое женское кольцо.

Славик не перебивал.

— Всё золотое? — спросил он после паузы.

— Похоже на то.

— Откуда столько?

— Семейные вещи.

— Андрей, одну монету можно назвать семейной вещью. Двадцать пять монет и украшения — уже история.

— Вы покупаете или нет?

— Я — не всё. Но знаю людей, которые могут взять весь объём.

— Мне нужны деньги быстро. Мать кладут на операцию. Нужно оплатить не только саму операцию, но и лекарства, палату, сиделку и восстановление.

— Насколько быстро?

— До завтрашнего вечера надо внести предоплату. Операция в четверг.

Славик выдохнул.

— Ты понимаешь, что с таким количеством золота вопросы будут у любого покупателя?

— Пусть спрашивает. Я ничего не украл.

— Это хорошо. Но одного твоего слова мало.

— Тогда скажите, что нужно.

— Ничего пока не неси. Я поговорю с одним человеком. Если тема его заинтересует, перезвоню.

— Он сможет выкупить всё?

— Сможет.

— И помочь с клиникой?

— Если захочет, для него это не проблема.

— Кто он?

— Георгий Алексеевич. Для друзей и соратников — просто Гоша.

Глава 6

Цена помощи

Славик не стал долго раздумывать после разговора с Андреем.

Он включил сохранённую запись, ещё раз прослушал перечисление монет и набрал номер.

Ответили после второго гудка.

— Борисыч, это Славик.

— Вижу. Говори.

— Помнишь парня, который сегодня николаевский червонец принёс?

— Что с ним?

— Позвонил снова. Говорит, есть ещё девятнадцать таких же. Плюс пять советских золотых «сеятелей», натальный крест и женское кольцо.

Сергей Борисович помолчал.

— Откуда?

— Лепит про семейные вещи. Только сам в монетах полный ноль. Цену не знает, состояние не понимает. Первую десятку отдал почти без торга.

— Почему спешит?

— Мать на операцию кладут. До завтра нужно внести предоплату, потом палата, лекарства, сиделка и восстановление.

— Паспортные данные есть?

— Переписал.

— Запись с камеры?

— Сохранилась.

— Отправляй всё.

— Ему что сказать?

— Ничего. Я сам позвоню.

Славик переслал фотографию паспорта, номер телефона и запись разговора.

Борисыч прослушал её дважды.

Андрей не пытался зависить цену и почти не интересовался стоимостью каждой монеты. Его занимало другое: можно ли быстро получить деньги и успеть оплатить лечение матери.

Для наследника старой коллекции он слишком мало знал о золоте.

Для перекупщика слишком плохо торговался.

Для вора вёл себя слишком открыто.

Борисыч набрал номер Андрея.

Телефон зазвонил через двадцать минут после разговора со Славиком.

Номер был незнакомым.

Андрей вышел из комнаты и прикрыл дверь. Мать после обезболивающего наконец задремала. Отец сидел на кухне над медицинскими выписками, банковскими бумагами и конвертом с семейными накоплениями.

— Да.

— Андрей Петрович?

Голос был низким и спокойным.

— Кто это?

— Сергей Борисович. Славик передал мне твой номер. Можешь называть меня Борисычем.

— Вы покупаете монеты?

— Покупаю. Но сначала их нужно увидеть.

— Славик всё рассказал?

— Двадцать пять старых золотых монет, нательный крест и женское кольцо. Одну монету ты уже продал.

— Правильно.

— Завтра в семь вечера сможешь встретиться?

Борисыч назвал ресторан недалеко от магазина, где работал Андрей.

Место было известное. Большие окна выходили на оживлённую улицу, возле входа по вечерам стояли дорогие машины, внутри почти всегда были посетители. Андрей несколько раз проходил мимо, но заходить не приходилось.

— Почему завтра?

— Мне нужно подготовиться.

— К покупке?

— И к разговору.

— Какому?

— Завтра узнаешь.

Андрей помолчал.

— Я подумаю.

— Подумай.

Борисыч не стал его убеждать.

— До какого времени дать ответ?

— До утра.

— Хорошо.

— И ещё. Славик сказал, что твоей матери нужна операция.

Андрей крепче сжал телефон.

— Это к монетам не относится.

— Относится к тому, почему ты продаёшь их так быстро.

— Он передал вам весь разговор?

— Передал запись.

— Без моего разрешения.

— Ты попросил найти человека, способного выкупить весь объём за короткий срок. Я должен понимать, почему продавец торопится.

— Я ещё не согласился приносить золото.

— Поэтому и предлагаю встретиться в работающем ресторане. Отдельный кабинет, но вокруг будут люди.

В голосе Борисыча не было насмешки.

Он ответил на вопрос, который Андрей ещё не задал.

— Завтра мать должен осмотреть хирург, — сказал Андрей. — Пока неизвестно, разрешит ли он операцию.

— Сначала получи заключение. Без него обсуждать оплату рано.

— Вы можете помочь с клиникой?

— Возможно.

— При каких условиях?

— Об этом поговорим завтра.

— Мне нужно знать хотя бы примерно.

— Примерные условия только запутают. Врач подтверждает операцию, ты приезжаешь, мы разговариваем. Если договоримся, вопрос с оплатой решится быстро.

— Предоплату нужно внести до завтрашнего вечера.

— Попрошу клинику придержать место до окончания нашей встречи.

Борисыч не сказал, что Андрей обязан приехать. Не напомнил о боли матери и не объяснил, что другого покупателя за сутки он не найдёт.

Только перечислил порядок действий.

Обследование.

Заключение хирурга.

Разговор.

— Хорошо, — сказал Андрей. — Я буду.

— Завтра в семь.

— Что взять с собой?

— Все, что надумал продать.

— До завтра.

Связь прервалась.

— Кто звонил? — спросил отец из кухни.

Андрей убрал телефон в карман.

Родителям он ничего не рассказывал ни о монетах, ни о тайниках.

Правда потребовала бы объяснить, откуда взялось золото, почему он два дня ходил по деревне с лопатой и зачем скрывал находки до тех пор, пока матери не понадобилась операция.

— Представитель благотворительного фонда.

Пётр Семёнович снял очки.

— Какого фонда?

— Они помогают оплачивать операции и последующее восстановление. Я нашёл программу в интернете.

Ложь сложилась почти без усилий.

Никакого фонда Андрей не находил. Он даже не знал, существовали ли подобные программы для взрослых пациентов. Но родителям нужна была версия, которая не заставит их думать о скупщиках золота и людях, способных одним звонком придержать место в частной клинике.

— Как называется? — спросил отец.

— Не запомнил. Завтра встречу с представителем, он объяснит условия.

— Почему не в офисе?

— Он будет возле моей работы. Ему нужно заключение врача. Думаю, в рабочее время я всё не успею подготовить, поэтому он предложил поговорить в ресторане.

Пётр Семёнович нахмурился.

— Благотворительный фонд назначает встречу в ресторане?

— Отдельный кабинет. Я возьму выписки и заключение врача.

— Какие у них требования?

— Завтра узнаю.

— Нормальный фонд не просит денег за рассмотрение документов.

— Если попросят, уйду.

— Паспорт из рук не выпускай.

— Хорошо.

Из комнаты донёсся голос Марии Владимировны:

— Андрей, не надо из-за меня связываться с непонятными людьми.

Он подошёл к двери.

Мать лежала, подложив под больное колено сложенное одеяло. Лицо оставалось бледным, хотя укол приглушил боль.

— Я только узнаю условия.

— Благотворительные фонды не ищут пациентов по ночам.

- Я сам оставил заявку.
- Когда успел?
- Сегодня.
- Она посмотрела на него внимательнее.
- Ты что-то скрываешь.
- Я пытаюсь найти деньги на лечение.
- Это было правдой.
- Просто не всей.
- Борисыч положил телефон на стол и снова посмотрел запись из скупки.
- Затем набрал Рому.
- Возьми Клыка и съездите по адресу.
- Зачем?
- Узнать, кто такой Андрей Удалов, с кем живёт и откуда недавно вернулся.
- В квартиру зайти?
- Нет.
- С ним поговорить?
- Тоже нет.
- И что мы узнаем во дворе?
- Там пенсионерок больше, чем камер. Ртом работать умеешь.
- Я много чего умею.
- Поэтому говорить будешь ты. Клык постоит в стороне и не будет улыбаться.
- Он обидится.
- Переживёт.

Рома и Клык приехали во двор Андрея на тёмной иномарке.

Машину оставили возле соседнего дома.

Перед подъездом сидели три пожилые женщины. Возле лавки лежала старая такса, положив морду на лапы.

Клык посмотрел на женщин.

- Я туда не пойду.
- Почему?
- Они сразу поймут, что мы врём.
- Тогда стой здесь. И не смотри на них так, будто пришёл выселять весь подъезд.

Рома взял из машины папку с несколькими листами и подошёл к лавке.

— Добрый вечер. Андрея Удалова не подскажете, в каком подъезде искать?

Женщины одновременно посмотрели на него.

— А вам зачем? — спросила самая полная.

— По компьютерной технике заявку оставлял. Мастер рядом работает, телефон не отвечает. Решили уточнить адрес.

- Андрей-то?
- Андрей Петрович.
- В этом подъезде живёт.

Другая женщина поправила платок.

— Только сегодня к ним лучше не ходить. У них мать заболела.

— Серьёзно?

— Ночью скорая приезжала. Весь подъезд слышал.

— Упала?

— Сустав у неё давно больной. Вчера из деревни вернулись, а ночью совсем прихватило.

— Все вместе ездили?

— Конечно. У бабушки юбилей был.

— Далеко?
— В Соколино. Смоленская область.
Третья женщина посмотрела на папку.
— А что у Андрея с компьютером?
— В заявке не написали.
— Он сам в компьютерах работает.
Рома улыбнулся.
— Значит, нас зря отправили.
— Наверное.
Он поблагодарил женщин и вернулся к машине.
Клык ждал возле пассажирской двери.
— Я же говорил, они всё знают.
— Вчера вернулись из Соколино. Ночью матери стало плохо, приезжала скорая. Колено болело давно.
— Значит, про операцию не врёт.
Рома позвонил Борисычу.
— Семья обычная. Живёт с родителями. Вчера вернулись из Соколино, ездили на юбилей бабушки. Ночью приезжала скорая.
— Соседи что про него говорят?
— Работает, не пьёт, родителей возит. Ничего интересного.
— Возвращайтесь.
Борисыч отключился.
Золото появилось сразу после деревни.
Операция была настоящей.
Теперь требовалось понять, что Андрей делал в Соколино.
Он набрал номер Сахара.
— Завтра утром берёшь Гарика и едете в Смоленскую область.
— Куда?
— Соколино.
— Что искать?
— Андрей Удалов приезжал туда с родителями. Узнайте, куда ходил и что копал.
— К родственникам обращаться?
— Нет. Родных не трогать.
— Можно сейчас выехать.
— И что ты ночью увидишь в заброшенном доме?
— Фонарь есть.
— Мне нужны нормальные фотографии, а не чёрный экран с твоими комментариями.
Выезжаете в шесть утра.
— Понял.
— Представитесь покупателями участка. Ничего не ломать, не копать и не уносить.
— А если найдём золото?
— Тогда особенно не трогать.
Сахар и Гарик выехали на рассвете.
В Соколино приехали ближе к полудню.
Серый внедорожник оставили возле магазина. Гарик купил воду, хлеб и пачку сигарет.
— Участок присматриваем, — сказал он продавщице. — Хотим дом под дачу.
Через несколько минут они уже знали, у кого течёт крыша, кто просит слишком много и какой дом нельзя покупать из-за спора между наследниками.
— А тот большой, за покосившимся забором? — спросил Гарик. — С садом.

— Купеческий дом?
— Наверное.
— Его не берите. Крыша рухнула, колодец старый, участок зарос.
Пожилой мужчина возле полки усмехнулся.
— Зато клад там есть.
— Какой клад? — спросил Сахар.
— Купец Орлов золото спрятал.
Продавщица махнула рукой.
— Полдеревни искало.
— Нашли?
— Если бы нашли, Матвей сейчас не выбирал бы гречку подешевле.
Старик не обиделся.
— Значит, плохо искали.
— Недавно опять кто-то копал? — спросил Гарик.
— Внук Семёна Дмитриевича ходил, — ответил Матвей. — На геолога учился.
— Андрей?

Продавщица прищурилась.

— Откуда знаете?

— По дороге женщина сказала, что здесь молодой геолог землю смотрел.

— Не землю он смотрел. К бабушке приехал.

Матвей взял пачку гречки.

— Я ему про купеческий дом рассказал. Утром пошёл с лопатой и ломом.

— Нашёл что-нибудь?

— Сказал, камни.

— А ещё где-нибудь копал?

Продавщица задумалась.

— Семён говорил, Андрей вечером возле липы с лопатой возился. Старое железо выкопал.

Сначала Гарик и Сахар пошли к заброшенному саду.

Свежие следы нашли быстро.

Одна из каменных плит лежала неровно. На краю оставались царапины от лома. Под сухими листьями земля была рыхлее, чем вокруг.

Сахар включил камеру.

— Первый раскоп. Плита недавно сдвигалась. На краю свежие следы инструмента.

Гарик присел.

— Здесь прямоугольная выемка. Что-то вынули.

— Размер?

— Небольшая шкатулка.

Сахар снял общий план.

Похожих плит вокруг было больше двадцати.

— Без точного места можно весь сад разобрать, — сказал он.

К участку родственников Андрея подошли с дальней стороны.

Под старой липой земля была разровнена. Сверху набросали траву и листья, но следы сохранились.

Под листвой лежала разрушенная металлическая коробка.

Сахар снова включил камеру.

— Второй раскоп. Коробку открывали здесь.

Гарик поднял обрывок промасленной ткани.

— Внутри что-то лежало.

Он положил ткань обратно.
— Два места за одни выходные, — сказал Сахар.
— И ни одной пробной ямы.
Они отправили Борисычу фотографии и два коротких видеоролика.
Он перезвонил сразу.
— Докладывай.
— Два свежих раскопа. Первый в купеческом саду. Парню рассказали только легенду.
Плит там больше двадцати, он поднял нужную.
— Второй?
— Под липой возле дома родственников. Про клад никто не говорил. Осталась ржавая коробка и промасленная ткань.
— Металлоискатель?
— Следов нет.
— Землю сами не трогали?
— Только листья отодвинули.
— Возвращайтесь.
Борисыч несколько раз просмотрел видео.
Два тайника.
За одни выходные.
Один Андрей нашёл без легенды и подсказки.
Борисыч запросил проверку по базам МВД.
Через два часа получил отчёт.
Андрей Удалов, двадцать пять лет.
Судимостей и приводов нет.
В розыске не состоял.
Крупных долгов не имел.
Два курса геологического факультета.
Работал менеджером по продаже компьютерного оборудования.
До поездки в Соколино старинными монетами не интересовался и с перекупщиками не связывался.
Борисыч позвонил Гоше.
— Алексеич, есть разговор.
— Подъезжай в ресторан на Соколиной горе, там всё расскажешь.
Через час Гоша и Борисыч сидели в кабинете на втором этаже ресторана, принадлежавшего Гоше. Здесь можно было и поесть, и поговорить без лишних глаз.
— Парень Славика нашёл два тайника за одни выходные.
Борисыч отправил фотографии и видео.
Гоша сначала посмотрел сад, потом липу.
— Кто показал места?
— Про купеческий клад рассказал местный старик. Только общую легенду. В саду два десятка одинаковых плит. Андрей выбрал нужную.
— Липа?
— Никто ничего не подсказывал.
— Прибор?
— Не было.
— По базам?
— Чистый.
Гоша ещё раз просмотрел запись Сахара.
— Это шанс найти захоронку Саввы.

— Что предложить парню?

— Сначала убедись, что он действительно умеет искать золото.

— А потом?

Борисыч ожидал скепсиса. Вместо этого Гоша несколько раз просмотрел запись и надолго замолчал.

— Если он действительно видит золото сквозь стены, у нас появился шанс найти Саввину захоронку.

В девяностые Гоша входил в бригаду Саввы, контролировавшую в том числе территорию часового завода. Незадолго до гибели Савва перевёз туда тяжёлые брезентовые баулы с золотом и спрятал их в старом производственном корпусе. Точное место знал только он.

На следующий день Гоша попал в больницу с тяжёлой пневмонией. Пока он лежал с температурой, бригада Саввы погибла в конфликте. Позже завод неоднократно обыскивали, но тайник так и не нашли.

Гоша выжил, восстановил связи и спустя годы несколько раз осторожно возвращался к старому следу. Площадь корпуса была огромной, помещения перестраивали, владельцы завода менялись. Без точной точки поиски ничего не дали.

Теперь у него впервые появился человек, который мог решить эту задачу.

— Мать — лечение полностью через «Здоровые ноги», — сказал Гоша. — Монеты — по честной оценке. За поиск — отдельная оплата.

Борисыч кивнул.

— А дальше?

— Никаких долгов. Первая услуга одноразовая. Если сработает и сам захочет — потом предложим сотрудничество.

— Рассказывать, куда поедет?

— Нет.

— Чей клад?

— Тоже нет.

— Он спросит.

— Ответишь: его привезут туда, где золото точно есть. От него требуется использовать дар и показать место.

— А после?

— Первая услуга одноразовая. Никаких долгов.

— Если хорошо сработает?

— Предложишь сотрудничество. Отдельно.

— Что обещать?

— Защиту, помощь с документами, транспорт, людей и доступ к тем, кто решает вопросы быстрее государственных очередей.

— Он поймёт, с кем связывается?

— Рома поможет понять.

Борисыч усмехнулся.

— Вот этого я и опасаюсь.

— Не дай ему сорвать разговор. Давить на парня не нужно. Фактов достаточно.

— Понял.

— Фонд подключишь только после его согласия. Но его ты должен добиться любой ценой.

— Сделаю.

Во вторник утром Мария Владимировна почти не могла наступать на больную ногу.

В клинике её осмотрели, сделали анализы и повторные снимки.

Хирург долго изучал результаты.

— Операция необходима, — сказал он. — Противопоказаний нет. В четверг можем оперировать.

— Что нужно для подтверждения? — спросил Андрей.

— Оплата или гарантийное письмо до восьми вечера.

— Если не поступит?

— Место передадут другому пациенту.

Пётр Семёнович записал всё в блокнот.

— После операции она сможет ходить?

— Не сразу. Понадобятся ходунки, затем трость и курс восстановления.

После клиники Андрей отвёз родителей домой.

— Фонд получил заключение? — спросил отец.

— Да. Вечером представитель назовёт условия.

— Какие у благотворительного фонда могут быть условия?

— Не знаю.

— Ничего не подписывай, пока не прочитаешь.

— Хорошо.

Андрей достал металлическую коробку с монетами и положил её на дно рюкзака. Сверху убрал медицинские документы и лёгкую куртку.

Родители решили, что он несёт только папку.

Глава 7

Условия

Ресторан работал.

В первом зале играла музыка. Официанты разносили блюда, возле стойки администратора несколько человек ждали свободного стола.

Андрея проводили на второй этаж.

В отдельном кабинете за круглым столом сидели трое.

Борисыч поднялся навстречу.

Ему было около пятидесяти. Короткие седые волосы, тяжёлое лицо, тёмный пиджак без галстука.

— Андрей?

— Да.

— Проходи.

Рома был широкоплечим и коротко стриженным. Клык выглядел суше, на правой руке блестела тяжёлая золотая печатка.

— Зачем они здесь? — спросил Андрей.

— Чтобы разговор не пришлось пересказывать дважды, — ответил Борисыч.

Рома усмехнулся.

— И чтобы ты с рюкзаком не побежал.

Борисыч посмотрел на него.

— Он ещё никуда не собирался.

— Такие всегда собираются, когда вопросы начинаются.

Андрей оставил рюкзак возле ноги.

— Врач разрешил операцию.

— Знаю, — сказал Борисыч. — Клиника держит место до восьми.

— Вы представляете фонд?

— Нет.

— Тогда зачем сказали, что можете помочь?

— Потому что можем.

— Как называется фонд?

— «Здоровые ноги».

Название оказалось настоящим.

Андрей не показал удивления.

— И что от меня нужно?

— Сначала поговорим о золоте.

— Я пришёл его продать.

— Продашь. После оценки.

— Тогда в чём проблема?

Борисыч положил перед ним планшет.

На экране была фотография каменной плиты в купеческом саду.

Следующая показывала землю под липой.

Андрей узнал оба места.

— Вы ездили в Соколино.

— Проверяли происхождение монет.

— Следили за моей семьёй?

— Нет. С родственниками никто не разговаривал.
Рома откинулся в кресле.
— Какая разница, с кем говорили? Ты золото принёс и врёшь, что оно семейное.
— Рома, — произнёс Борисыч.
— Что Рома? Отдай его мне на полчаса. Я из него всё вытрясу: где нашёл, сколько ещё и кому успел разболтать.
Андрей посмотрел на него.
— Попробуй.
Рома сразу подался вперёд.
Стул скрипнул по полу.
— Чего сказал?
— Слышал.
Клык перестал вращать печатку на пальце.
Борисыч поднял ладонь.
— Сядь.
— Он нарывается.
— Сядь, Рома.
Рома вернулся в кресло.
— Зря ты с ним мягко, Борисыч.
— А ты зря пытаешься испортить разговор, который ещё не начался.
Андрей не отвёл взгляд.
— Вы пробили меня по базам?
— Да, — ответил Борисыч.
— Что нашли?
— Ничего, что объясняло бы два тайника за одни выходные.
— Значит, я ничего не украл.
— Я этого и не говорил.
— Зато он сказал.
Андрей кивнул на Рому.
— Я сказал, что ты врёшь, — отозвался тот. — Это видно без баз.
Борисыч снова повернулся к Андрею.
— Под купеческим домом больше двадцати похожих плит. Ты поднял нужную. Под липой вообще никто не знал о тайнике. Объясни.
— Я учился на геолога.
Рома рассмеялся.
— Два курса. Продавец мониторов.
— Хватит, — сказал Борисыч.
— Да что хватит? Он нас за идиотов держит.
— Пока только ты это доказываешь.
Клык тихо хмыкнул.
Рома бросил на него взгляд.
— Тебе тоже смешно?
— Немного.
Борисыч положил перед Андреем следующую фотографию.
— Земля возле липы принадлежит твоим родственникам. С этим ещё можно разобаться. Купеческий дом стоит заброшенным, но участок на ком-то числится. Появятся наследники, напишут заявление, золото заберут на экспертизу.
— Пусть докажут, что монеты их.
— Доказывать будут потом, — сказал Рома. — После обыска.

— Я ничего не крал.
— Это ты следователю расскажешь.
— Рома, хватит.
— Да я ему помогаю понять положение. Два раскопа, золото в рюкзаке, история про семейные вещи. Красиво.
Борисыч не стал спорить.
— Со стороны действительно выглядит плохо.
— Вы специально меня загоняете.
— Я показываю, где ты уже находишься.
Рома резко отодвинул кресло и поднялся.
— Борисыч, чего ты с ним разговариваешь? Отдай его мне. Я из него всё вытрясу. Где нашёл, сколько ещё спрятал, кому рассказал.
— Сядь.
— Он же врёт нам в лицо.
Рома обошёл стол и остановился возле Андрея.
— Рассказывай.
— Отойди.
— Сначала вспомнишь, где выкопал золото.
Он положил тяжёлую ладонь Андрею на плечо и сжал пальцы.
— Потом вспомнишь, сколько ещё припрятал.
Андрей сбросил его руку.
— Не трогай меня.
Лицо Ромы изменилось.
— Ты с кем так разговариваешь?
Он схватил Андрея за куртку и резко дёрнул к себе.
Андрей не стал вырываться. Подался вперёд и коротко ударил Рому в ухо.
Тот от неожиданности выпустил куртку и качнулся в сторону.
На несколько секунд в комнате стало тихо.
Потом Рома с рычанием бросился на Андрея.
Они сцепились, опрокинув кресло. Андрей успел ударить его плечом в грудь, но Рома обхватил его за корпус и попытался повалить на пол.
Возле воротника куртки затрещала ткань.
Андрей упёрся ногой в основание стола и толкнул Рому назад. Тот налетел бедром на кресло, но удержался и снова замахнулся.
— Разошлись! — рявкнул Борисыч.
Рома будто не услышал.
Клык схватил его за плечи и дёрнул назад. Андрей сам отступил к стене, тяжело дыша.
Возле мочки Роминого уха проступила кровь. Само ухо быстро наливалось красным.
— Борисыч, смотри! Он мне ухо порвал!
Андрей осмотрел разошедшийся шов на воротнике.
— Ты мне куртку порвал.
— Куртку он вспомнил!
Рома увидел кровь на пальцах и снова дёрнулся вперёд.
— Дай мне пять минут. Он сам всё расскажет и расписку напишет, что монеты подарил.
— Подойди, — сказал Андрей. — Второе ухо будет таким же.
— Ах ты...
— Всё! — оборвал их Борисыч. — Рома, сел. Андрей, тоже.
— Он первый меня ударил.
— Ты первым схватил его за куртку.

— Я с ним разговаривал.

Андрей посмотрел на порванный воротник.

— У тебя странная манера разговаривать.

Клык фыркнул, но, встретившись взглядом с Ромой, отвернулся.

Борисыч поднял опрокинутое кресло.

— Ладно. Погорячились — и хватит.

Рома остался стоять.

— Я сказал, сел.

Тот нехотя вернулся на место и прижал к уху салфетку.

Борисыч посмотрел на Андрея.

— Вижу, что пугать тебя бесполезно. Поэтому вернёмся к вопросу. Как ты нашёл два тайника?

Андрей перевёл взгляд с него на Рому.

Тот сидел, прижимая к уху салфетку, и смотрел на него с плохо скрываемой злостью.

Лгать дальше не имело смысла.

— Допустим, я могу находить спрятанное золото.

Рома перестал морщиться.

— Каким образом? — спросил Борисыч.

Андрей раскрыл правую ладонь.

На коже проступило дерево с тремя корнями.

Два были тёмными.

Третий слабо светился.

Клык наклонился ближе.

— Раньше этого не было.

— Откуда знаешь? — спросил Андрей.

— Славик снял твои руки крупным планом.

Рома криво усмехнулся.

— Вот теперь начинается цирк.

Борисыч провёл пальцем по рисунку.

Кожа оставалась гладкой.

— Что это?

— Знак дара.

— Какого дара?

— Я вижу спрятанное золото.

Рома хлопнул ладонью по столу.

— Борисыч, хватит. Отдай его мне. Через десять минут и лепрекон заговорит, и дракон прилетит.

Андрей повернулся к нему.

— Лепрекон как раз был.

В комнате стало тихо.

Клык первым нарушил молчание:

— Рыжий?

— Рыжий.

— В зелёном?

— В зелёном сюртуке.

Рома посмотрел на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.